

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣсяцъ „Уніонъ“
состоится
КОНЦЕРТЪ
въ залѣ новой биржи
въ улицѣ, номеръ 6 справа

Селезнева для Концертныхъ Бюджетовъ
Марія Ивановна Долиной
известной артистки,
исполнительницы

Въ редакціи по
адресу: Одесса,
Литературный переулокъ
№ 10. Редакторъ
Х. К. Яцкери
П. Тарасъ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (117)

сентябрь 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Музей
Жванецкого
в Одессе

стр. 3

Премия
И. Бабеля:
пятый сезон

стр. 4

«Викентий
Кугель.
Взгляд
фотографа»

стр. 5

Лев Влодек
и его
«Пассаж»

стр. 7

Печальная
дата
в истории
одесских
немцев

стр. 8-9

Прогулки
по Одессе.
«В сквере
Мечникова»

стр. 11

А КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ...

За что я люблю Одессу?

Здесь прошла моя жизнь. Здесь родился сын. Здесь похоронены мои самые близкие люди...

За что любят Одессу наши дети?

За то, что здесь родились. Здесь живут их друзья. Здесь они влюблялись, женились, здесь родились уже их дети. Которые тоже будут любить этот город за то, что...

То есть получается, что мы любим не Одессу, а себя в ней?

А разве этого мало? Разве это не одно и то же?

Да, мы любим себя в этом городе.

И скучаем, когда уезжаем. И радуемся, когда возвращаемся.

Только в Одессе, спустившись с трапа самолета, вдыхая запах этого воздуха, сразу понимаю – я дома.

Я знакома, кажется, со всеми продавцами на Привозе, а молочница, протягивая бутылку с парным (утренним!) молоком гордо произносит : это

вам не супермаркет, не свернется, мы же здесь все свои, родные!

Вот оно, слово найдено – мы все здесь свои!

Такие разные, но все-таки – родня.

Моя Одесса с годами меняется. Уходят чередой те, кто составлял саму суть и смысл жизни – мой и моего города. Из последних личных потерь – человек-оркестр, великолепный джазовый дирижер Коля Голощапов, выдумщик и матерщинник, крупный ученый – краевед Олег Губарь, Валя Прокopenko, жившая Театром и для Театра.. Первый раз День рождения города мы празднуем без гениального писателя-гуманиста Михаила Жванецкого. И моя любовь к Одессе от этого становится все сильнее. Занимавшая когда-то, кажется, весь горизонт, она сжимается, превращаясь в тонкий луч, и оттого становится ярче, насыщенней, осмысленней и бережливей.

Моя Одесса становится иной. И опять слышны

голоса: Одесса уже не та, Одессы нет... Но вот на литературном салоне во Всемирном клубе одесситов, когда мы спорили о героях Чехова, вдруг поднялся со своего места мальчик лет девяти, непонятно как затесавшийся в эту взрослую кампанию, и тихо, но уверенно произнес: «Я – поэт. Можно я почитаю вам стихи?»

И взрослый человек девяти лет читал стихи... И все спорщики затихли потрясенные недетскими печалью и любовью, звучавшими в строках стихотворений. И я вдруг подумала: значит все продолжается?

Все продолжается.

И продолжится впрямь.

И Одесса.

И любовь к Одессе.

С Днем рождения, милый город!

Юлия ЖЕНЕВСКАЯ,
председатель правления ВКО.
Фото Александра СИНЕЛЬНИКОВА

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

**Дорогие Юлия, Ленечка, Гарик!
Дорогие друзья!**

Хотел лично рассказать о работе израильского филиала Всемирного клуба одесситов, но из-за занятости, к сожалению, приехать не получается. Несмотря на ситуацию с «коронай», мы существуем и пытаемся развиваться. Как вы знаете, до локдаунов я провел три международных фестиваля «OdessAviv» («Одесская весна»), которые с большим успехом и аншлагами прошли в нескольких городах Израиля. В них участвовали более ста человек, мы собрали около четырех тысяч зрителей. В последний, непростой для всех год мы организовывали экскурсии по местам, связанным с одесситами, принимавшими непосредственное участие в формировании Израиля в начале прошлого века. Недавно я организовал зомт-лекцию с известной и уважаемой Анечкой Мисюк, в которой участвовали 128 подключившихся зрителей. Что касается дальнейших планов, то я хочу организовать мини-фестиваль с участием актеров и музыкантов, конечно, на одесскую тему (подробности пока не раскрываю).

Желаю всем НАШИМ, пройти этот драковский период с улыбками. НЕ болеть, НЕ тупеть и НЕ забывать нашу МАМУ. Если она пережила чуму, Холокост, холеру, социализм и другие цурэсы, то эту китайскую болячку тоже переживем.

**С любовью ко всем хорошим людям –
председатель филиала
Всемирного клуба одесситов Израиля
Борис Соболев.**

**Добрый день,
уважаемый Леонид!**

Я очень извиняюсь, что сразу не ответила, была в отъезде. Члены нашего пражского филиала Всемирного клуба одесситов собирались, общались и проводили литературные вечера. Также были встречи на морскую тему и тему одесских анекдотов.

Планируем расширять свои ряды.

**С уважением,
председатель пражского филиала
Всемирного клуба одесситов
Елена Чепелкова.**

**Доброе утро, дорогие земляки!
Здравствуйтесь, дорогие Юлия и
Григорий!**

Испытал культурный шок: как приятно было получить от Вас такое теплое письмо! Ничего подобного прежде из Одессы не приходило.

Перейду сразу к существу заданных Вами вопросов.

Мы живем здорово, стараясь не терять бодрость духа и тела, хотя «корона» и нас достаёт периодически. Я провожу живые встречи, когда это возможно, когда же нет, – виртуально, используя разные платформы.

На последних встречах в сети собралось около 30 человек из разных городов мира, включая Австралию, Америку, Канаду. На встречи «вживую» собираются порядка 70 – 100 человек. Мы читаем стихи, прозу, поем и слушаем песни, танцуем, обильно едим и скромно выпиваем.

Общаться с Вами для всех нас было бы прекрасно и взаимоплезно. Об Одессе помним всегда, сочиняем стихи и песни о ней.

Одна из встреч была посвящена выходу книги Юрия Михайлика, что вызвало большой интерес. На встрече собралось около 100 человек.

Михаил Жванецкий всегда с нами. Читаем его, вспоминаем о нем, помним его. Спасибо за открытку, воздух вздохнули и опьянели. Этот ролик, как и многие другие, мы постоянно крутим в качестве заставок к нашим встречам.

Короче, могу писать и писать. Давайте общаться. Мы в вас нуждаемся. Для нас важно, что Вы есть, Клуб живет и помнит о нас.

Будьте здоровы, мы с Вами. До связи и встречи.

**Председатель клуба одесситов
Австралии Гарри, по прежнему Волк.
Сидней, Австралия.**

Дорогие друзья.

Мы тоже соскучились... А что делать?

Ковидный издалека даже город... даёт о себе знать. Конечно, бережемся. Конечно, избегаем массовых мероприятий. И, увы, несём потери.

Поэтому за последний год с хвостиком дважды – виртуально и, затем, все-таки очно отметили наш 10-летний юбилей, достаточно скромно и незаметно прошедший в мировых новостях.

А наш сайт, напротив, продолжает трудиться (www.cosp.ucoz.ru), и истекший год был на нём объявлен Годом одесситов в Санкт-Петербурге. По поводам (дни рождений и памяти), да и без поводов на страницах сайта были опубликованы более 150-ти биографий одесситов, попавших в различные энциклопедии и имевших прямое отношение к Петербургу-Петрограду-Ленинграду. Вот, например, прямо сегодня Д.Р. Веры Инбер, проводившей блокаду в Ленинграде и опубликовавшей книгу «Пулковский меридиан»... Такой вот наш отклик на «Они оставили свой след...».

Температура третью (по разным методикам подсчёта – четвёртую) неделю – за +30, побиты все температурные рекорды и понаехавший брат уже спрашивал: «А в Петербурге вообще дожди – бывают?»

Встреч теперь осталось только две – но знаковые и бывшие до этого знаковыми: 1 Апреля – «Одесская Юморина в Санкт-Петербурге» и День рождения нашего Клуба, и 2 сентября – День рождения Мамы, к которому мы начинаем готовиться.

Поэтому на вопросы «Как жизнь?» традиционно отвечаем «Не дождутся!». И всем как, как сложилось, желаем крепкого здоровья, творческих и нетворческих успехов и мускулистых антител! Лехаим!

**С глубоким уважением,
Александр Кириченко,
председатель-командор клуба одесситов
Санкт – Петербурга.**

Ленечка! Добрый день или ночь у нас!

Я очень рада, что мы опять с тобой будем на связи. Письма получала, но не имела возможности и времени ответить обстоятельно. Да и сейчас готовлюсь к ПИРАТСКОЙ ВЕЧЕРИНКЕ на корабле, которая, надеюсь, откроет «послековидный» сезон. Потом я буду свободней и напишу письма, ответы. Пришлю фотографии.

Все! глаза слипаются, пардон.

Спать! Будем на связи. Обнимаю.

**Председатель филиала
Всемирного клуба одесситов
Таня Стафеева, Ванкувер Канада.**

Добрый день! Обращаюсь с просьбой о помощи.

Я сейчас занимаюсь исследованием истории песни «Девушка из Нагасаки». Впервые текст стихотворения Веры Инбер был опубликован в книге «Бренные слова» 1922 г. Эту книгу я не смог ни купить, ни найти в отсканированном виде (кроме обложки). У вас на странице (odessitclub.org) есть заметка о выпущенной в 2000 г. книге Веры Инбер «Цветы на асфальте» в изд-ве «Друк», Одесса, тираж 150 экз. Я понимаю, что купить ее сейчас нереально, но, может быть, у вас есть ее электронный экземпляр? Или вы мне хотя бы пришлете отсканированную или сфотографированную страницу с текстом песни «Девушка из Нагасаки»? Дело в том, что авторы, утверждающие, что взяли текст песни из книги «Бренные слова», приводят его в разном виде. Не совпадает даже количество четверостиший. Я нашел в интернете вариант песни, но не уверен, что это скан из книги «Бренные слова». На всякий случай прилагаю его в файле. Также утверждается, что стихотворение посвящено Александру Александровичу Михайлову. На отсканированной странице такого посвящения нет, хотя в нотах к песне «Девушка из Нагасаки» 1925 г. оно есть. Не знаете ли вы что это за человек? Я нашел только одного Александра Александровича Михайлова, с которым могла пересекаться Вера Инбер.

А. А. Михайлов (1888–1983) – советский астроном, академик, Герой Соц. труда. Родился в г. Моршанске. В 1911 г. окончил с золотой медалью Московский университет, где преподавал с 1918 по 1948 г. В 1922 г. Михайлов женился на Ольге Васильевне Молчановой, в 1923 году у них родился сын Георгий.

С уважением и надеждой, Гудин Сергей Анатольевич.

Добрый день! Меня зовут Александр Дубовский, родился и живу в Одессе.

Мне 38 лет, я папа двух замечательных дочек. Писать начал всего четыре года назад, но уже успел издать свою первую книгу поэзии «Квест, или С рифмой по жизни». Она вышла в июне этого года. Книга в твёрдой обложке, с цветными иллюстрациями, практически каждое стихотворение сопровождается авторским комментарием, который связывает между собой стихи и главы книги. У книги много положительных отзывов от читателей, и я бы хотел, чтобы она стала доступна для более широкого круга одесситов. Книгу я издавал на собственные средства.

Подскажите, пожалуйста, как можно попасть к Вам на книжную полку?

Заранее благодарен за ответ.

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ

Музею Жванецкого в Одессе быть!

В одесской квартире Михаила Жванецкого на ул. Старопортофранковская, 133 откроется музей имени выдающегося писателя и сатирика.

Идея эта родилась и во Всемирном клубе одесситов, и у вдовы писателя Натальи Жванецкой.

Здесь будущий писатель рос и формировался. Отсюда ходил в школу, в Водный институт, на работу в порт, уезжал к Аркадию Райкину, возвращался в Одесскую филармонию...

Кто только не бывал в этой квартире! Здесь бывали Владимир Высоцкий и Марина Влади, Рома Карцев и Витя Ильченко, Андрей Битов и Зиновий Гердт, Булат Окуджава и Алла Пугачева... Теперь эта обитель, став музеем, примет всех почитателей таланта великого одессита, Почетного гражданина нашего города.

После музея Леонида Утесова это будет второй городской музей-квартира.

Также стало известно о планах построить в Одессе Центр культуры Жванецкого. Концепцию Zhvanetsky Cultural Center презентовал известный архитектор и создатель Киевского театра на

Подоле Олег Дроздов. Предположительно центр появится на территории сквера Жанны Лябурб под Тешиным мостом.

После смерти писателя памятные таблички с его ци-

татами установлены в рамках проекта «Чтения на дом» на стене дома №133 по Старопортофранковской, где Жванецкий провел детство и юность, и у входа в «Зеленый театр».

Грядет День города. А значит, зажгутся новые одесские Звезды. Вот уже который год они появляются не только на одесском небе, но и на одесской земле.

Как известно, по инициативе Всемирного клуба одесситов с 2014 года на Ланжероновской улице ежегодно устанавливаются и 2 сентября открывают новые Звезды в честь деятелей культуры, прославивших наш город.

Ежегодно Всемирный клуб одесситов готовит на топонимическую комиссию Одесского горсовета список деятелей культуры, которые отмечают юбилейную дату со дня рождения. Комиссия рейтинговым голосованием выбирает имена известных и заслуженных одесситов, которые предлагает для утверждения исполкомом.

Ныне этот рукотворный памятник – Аллея Звезд – пополнился новыми именами.

В 2021 году зажглась Звезда **Юрия Николаевича Егорова** (1926-2008) – классика одесской школы живописи, легендарного художника.

Юрий Егоров – ключевая фигура для украинского искусства XX века. Почти все свое творчество художник посвятил Одессе, изучению ее уникального ландшафта и духа. Яркие морские пейзажи и метафизические натюрморты Егорова давно стали неотъемлемым символом города.

Юрий Егоров родился в 1926 г. в семье артистов балета. В 1948 году окончил Одесское художественное училище, где учился в мастерской профессора Теофила Фраермана, поступил в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, перевелся на факультет монументальной живописи Высшего художественно-промышленного училища имени В. Мухомой. Занимался станковой и монументальной живописью, графикой, создавал гобелены, керамику, витражи, мозаики.

Преподавал в Одесском художественном училище. В 1990-х был ректором Одесской негосударственной Академии художеств. Работы хранятся в собраниях Национального художественного музея, Одесского и Николаевского художественных музеев, Лондонской галереи, Музея Зиммерли (США), Третьяковской галереи (Россия), в собраниях галериста и коллекционера Анатолия Дымчука и в многочисленных частных коллекциях.

После смерти художника, в июне 2009 года,

Твои Звезды, Одесса

в Музее современного искусства Одессы был открыт зал постоянно действующей экспозиции его произведений. Море Юрия Егорова стало художественным термином.

На Аллее Звезд теперь увековечено имя **Семена Липкина** (1911-2003).

Семен Липкин был младшим современником Багрицкого, Бабеля, Катаева – плеяды одесских писателей, вступивших в литературу во втором десятилетии XX века. Поэт, прозаик, переводчик, он родился и жил в Одессе. В 8 лет поступил в 5-ю Одесскую гимназию на Земской улице. Уже в семь лет начал писать стихи. Первые публикации появились в «Одесских новостях».

Из Одессы в 1929 году по совету Э.Багрицкого молодой поэт переехал в Москву. Скоро публикации одессита стали появляться в московских толстых журналах – «Новом мире», «Молодой гвардии», в альманахе «ЗиФ» («Земля и фабрика»), где печатались такие признанные корифеи, как Борис Пастернак, Евгений Замятин, Эдуард Багрицкий. Но с начала 30-х годов его перестали печатать. Липкин изведаль немало гонений и незаслуженных обид. Спасали переводы. Анна Ахматова высоко ставила поэзию Липкина и называла его имя среди наиболее самобытных поэтов и искуснейших переводчиков.

Во время войны С.Липкин был фронтовым корреспондентом. Публикации стихотворений в журнале возобновились в 1956 году в «Новом мире» А.Твардовского. Его первый сборник стихов вышел только в 1967 г, когда поэту было 56 лет.

Семен Липкин был участником альманаха «Метрополь». В 1980 году, в знак протеста против исключения молодых авторов альманаха, вышел из Союза писателей. Это вызвало целый комплекс репрессивных мер, в том числе, новый запрет на публикации. До конца 80-х С.Липкин печатался только рубежом. После перестройки поэт был восстановлен в рядах Союза писателей, его стали вновь издавать. Семен Липкин познал славу и признание, был удостоен премий. «В стихах Семена Липкина запечатлен опыт сопротивления и выживания, опыт стойкого неприятия лжи и зла», – писали критики.

Семен Липкин неоднократно приезжал в

Одессу. Родному городу писатель посвящал стихи, повесть, мемуары. 27 апреля 2013 года в Одессе на Пушкинской улице, 34, где родился и жил поэт, открыли мемориальную доску Семену Израилевичу Липкину.

Появится Звезда и драматургу **Анне Яблонской** (1981-2011). Анна Григорьевна Яблонская (Машутина) родилась в Одессе. Еще в гимназии открылись ее незаурядные творческие способности.

Объединив творчески одаренных ребят, девушка создала театр, для которого писала и ставила свои первые пьесы. Будучи еще школьницей, Аня выпустила первый сборник стихов «Все звезды» стала лауреатом сразу нескольких конкурсов. По окончании гимназии Анна поступила в Одесскую юридическую академию. Там, в издательстве «Юридична литература» в 2000 г. вышла вторая книга стихов одесситки «Предчувствие любви». Стихи Анны публиковались также в интернет-журнале молодых писателей «Пролог». Затем наступило время прозы и пьес. В студенческие годы А.Яблонская играла в театре «Тур-де-форс», где была своим поэтом, актрисой, драматургом.

Творческая жизнь драматурга, прозаика и поэта развивалась стремительно. Ее пьесы начали ставить в различных театрах. К Анне пришла известность. Член Южнорусского союза писателей и Одесского отделения Конгресса литераторов Украины, она из года в год становилась лауреатом ряда международных конкурсов и премий в области драматургии.

Жизнь Анны Яблонской оборвалась на взлете 24 января 2011 года. Анна Яблонская стала победительницей конкурса на лучший киносценарий. Ее пригласили в Москву для вручения премии «Личное дело-2010», присужденной ей журналом «Искусство кино» за новую пьесу «Язычники». Но драматургу не суждено было узнать, что ее произведение было признано лучшим.

Трагическая развязка случилась в аэропорту Домодедово, где произошел террористический акт, унесший 36 жизней, в том числе жизнь Анны, которой не исполнилось и 30-ти.

Теперь на Аллее Звезде уже 42 Звезды. Но число их будет расти. Ведь Одесса так богата своими талантами.

Исаак Бабель. Литературная премия. Оглашены имена победителей 5-го сезона!

Жить в Одессе, участвовать в литературной жизни уже означает прикоснуться к творчеству Бабеля. Но, конечно, этого мало, всегда хочется большего.

Считаю, что мне несказанно везло. В 70-х пустил в самиздат составленную мной книгу неизданных рассказов Бабеля, куда входили «Кольвушка», «Фроим Грач», «Мой первый гонорар», кое-что из неперезданного, перепечатал из одесских журналов, что-то получил от Абрама Ароновича Владимирского, а он от – Антонины Николаевны Пирожковой, вдовы писателя...

Вместе с Александром Розенбоймом нашли в одесской летучей газете «На помощь!», забытый, как видно, потерянный Бабелем рассказ «Справедливость в скобках» из цикла «Одесские рассказы» и опубликовали его в журнале «Простор», далеко в Казахстане, но его заметили и оценили. Сейчас он входит во все сборники Бабеля.

Во Всемирном клубе одесситов издал «Конармию» и «Конармейский дневник» с иллюстрациями Ефима Ладыженского, для этой книги написал предисловие.

Наш клуб, его вице-президент Валерий Хаит был инициатором народного сбора денег на памятник Бабелю. Памятник установлен работы Георгия Франгуляна.

Уже пятый год подводят итоги конкурса на лучший рассказ современного прозаика, а значит, борются за премию имени Бабеля, и эта инициатива Валерия Хаита стала фишкой нашего города во всем мире.

На Ришельевской, на доме, где жил Бабель, установлена мемориальная доска работы Александра Князика.

На Аллее звезд есть звезда Бабеля. Пик Бабеля на Памире, улица Бабеля в Одессе. И каждый год творчество Бабеля вдохновляет литераторов написание новых произведений.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Пандемия и карантинные меры не позволили приехать в Одессу большинству участников конкурса и даже членам жюри. Что ж, в прошлом году был полный онлайн, и это не стало помехой, чтобы творить, присылать, читать, отбирать и награждать!...

Строгие ограничительные меры по всему миру, не могут отменить праздника книги в Одессе. Тем более, когда дело касается Исаака Эммануиловича, который, очевидно, предвидел такой оборот, заметив:

«У каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздражает смехом завесу бытия».

Немногие литераторы смогли лично присутствовать и получить награду. Основным подарком и дипломами будут отправлены по почте. Литературный праздник на этот раз вылился в «Бабелевскую неделю».

Празднование «Бабелевской недели» было наполнено предвкушением и радостным ожиданием известий, кто же из авторов колоритной прозы, мастеров короткого рассказа, попавших в шорт-лист, станет обладателем премий и званий лауреатов пятого сезона.

«Бабелевская неделя» во Всемирном клубе одесситов началась со встречи с членами жюри Премии Бабеля. Ее участники вспоминали о прошедших четырех сезонах Премии Бабеля и авторах, ставших ее победителями.

Главный редактор киевского журнала «Радуга», член жюри Премии Бабеля Юрий Ковальский представил свежий номер журнала, в котором, кроме замечатель-

ной прозы и стихов новых и старых авторов «Радуги», – неожиданные публикации членов жюри Премии Марианны Гончаровой и Валерия Хаита.

Зрителям также была предложена новая книга рассказов В. Хаита «Помню, был май...».

На встрече был также презентован предыдущий, целиком ОДЕССКИЙ номер «Радуги».

Продолжилась «Бабелевская неделя» вечером «Паустовский и Бабель». Книгу «Константин Паустовский и Украина» представил сам автор – в прошлом собкор газеты «Известия» и литературный секретарь Константина Паустовского Валерий Дружбинский (г. Киев), ставший почетным гостем Премии. Валерий Иванович поведал неизвестные факты из жизни Паустовского.

Марианна Гончарова

Оказывается, «Пауст» был большим фанатом КВН и капитана одесской команды Валерия Хаита. Вместе с Валентином Катаевым и Виктором Шкловским в далеком 1967 году Паустовский с удовольствием смотрел прямые эфиры «Клуба веселых и находчивых». И однажды написал письмо капитану команды одесситов юному тогда Хаиту, в котором, отозвавшись с большой симпатией к его незаурядным творческим способностям, шуткам и остро-

Валерий Дружбинский

там, захотел познакомиться с одесским героем КВН лично. Письмо, увы, не дошло до адресата. Верней, «дошло» – через литсекретаря Валерия Ивановича Дружбинского спустя более 50 лет(!). Под занавес вечера директор музея Паустовского в Одессе Лилия Мельниченко вручила Валерию Дружбинскому Диплом муниципальной премии им. К.Г. Паустовского.

12 июля, в день рождения Исаака Бабеля, организаторы «Бабелевской недели» члены Всемирного клуба одесситов, писатели, почитатели творчества великого одессита возложили цветы к памятнику писателю, открытому 10 лет назад напротив дома, где жил Бабель.

В рамках «Бабелевской недели» состоялся в ВКО вечер Марианны Гончаровой. Марианна Гончарова – писатель, член жюри Премии Бабеля, лауреат ее Первого сезона (I место). Ее книги хорошо знакомы читающей Одессе. В этот раз состоялась знакомство с ее новыми веселыми рассказами из книги «Когда Луна снимает шляпу». В завершение вечера писательнице был вручен Почетный диплом Премии Союза писателей Украины им. В. Г. Короленко за лучшую книгу для подростков «Тупо в синем и в кедах».

Завершилась «Бабелевская неделя» в Одессе 13 июля в Золотом зале Литературного музея. Здесь по традиции состоялась церемония награждения победителей пятого сезона Одесской международной премии имени Исаака Бабеля. И было тор-

жественно. И было весело. И были джазовые импровизации Алексея Петухова.

И победило Слово. И так, «возьмите камертон и настройте ваши уши».

Победителями пятого, юбилейного сезона стали:

ДИПЛОМАНТЫ:

Дарья Алавидзе (Канада) – за рассказ «Свет ночной»

Екатерина Блынская (Россия) – за цикл рассказов «Ниже мертвых»

Денис Гуцко, Дарья Зверева (Россия) – за рассказ «Бывшая Мальцева»

Владислав Шамрай (Украина) – за цикл рассказов «...Мне рассказывал один еврей...»

Юрий Шипневский (Украина) – за рассказ «Терриконщик»

ЛАУРЕАТЫ: Тинатин Мжаванад-зе (Грузия) – I место – за цикл рассказов «Аджарские тетушки»

Александр Володарский (Украина) – II место – за рассказ «Математик»

Владимир Лидский (Кыргызстан) – III место за рассказ «Горький хлеб Витидурачка».

С прозой прбедителя пятого сезона, завоевавшего первое место, можно ознакомиться на 16-й полосе нашей газеты.

Рассказы всех номинантов короткого списка Премии Исаака Бабеля пятого сезона можно прочитать по ссылке: <https://docs.google.com/document/d/11UsBgdbj-oukIM1YB7HnOeUcCf9Nk45XqwKJx5j1ks/edit>

Награду получает Александр Володарский

ОДЕССА В ОБЪЕКТИВЕ

«ЗЕЛЕНАЯ ВОЛНА» У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

Праздник книги в Одессе – юбилейный XXV международный книжный фестиваль «Зеленая волна», открывшийся в августе, продолжится до 10 октября. Среди множества отечественной издательской продукции – книги одесских авторов, издания Одесского Литературного музея, Одесской национальной научной библиотеки, Всемирного клуба одесситов.

Фестиваль проходит при поддержке Украинского культурного фонда, под патронажем Одесского горсовета и Одесской облгосадминистрации. Открывая «Зеленую волну», одесский городской голова Геннадий Труханов поблагодарил основательницу фестиваля Галину Безикович и ее команду за ежегодный большой праздник книги.

– Каждый для себя выбирает литературу по интересу. И неважно, на каком языке мы читаем книги. Главное, что мы читаем, – отметил мэр Одессы.

Вечер памяти Михаила Жванецкого

В день начала работы XXV Международного книжного фестиваля «Зеленая волна», сразу после торжественной церемонии его открытия в память об ушедшем из жизни Михаиле Жванецком состоялась чтения его миниатюр.

Михаил Михайлович был желанным гостем каждого книжного фестиваля, многие посетители которого становились его активными собеседниками. В этом году на фестивале организована экспозиция, посвященная писателю, состоялся вечер памяти великого одессита.

Монологи Жванецкого читали губернатор Одесской области Сергей Гриневецкий, мэр Одессы Геннадий Труханов, народные артисты Украины – Олег Школьник, Олег Филимонов, Борис Барский и Георгий Делиев, директор ВКО – Григорий Барац, актриса Людмила Сафонова, сценарист, почетный член ВКО Игорь Кнеллер, член Президентского совета ВКО Елена Павлова. Настоящим сюрпризом стало выступление народного артиста Украины Хобарта Эрла.

Искренний смех сменял глубокую печаль, и вновь побеждала радость жизни....

«Вот через смерть пройдешь, и всё узнаешь. И всё не страшно. И ты поймешь, и ахнешь. И скажешь: «Так все же умерли – и ничего. Живут! А смерть – так просто... Перерыв!»... М.Жванецкий.

Еще одна недавняя утрата – писатель, краевед Олег Губарь, память о котором «Зеленая волна» также почтила в формате губаревских чтений.

«Топ-книга» – это звучит гордо

В рамках работы книжной ярмарки были подведены итоги конкурса «Одесса на книжных страницах», который проходил уже 18-й раз в рамках «Зеленой волны». В номинации «ТОП-книга» отмечен альбом «Викентий Кугель. Взгляд фотографа» (составители Анна Голубовская и Александр Якимчук, Киев, «Самміт-Книга», 2020), в номинации «Одессика» – книга Олега Губаря «Мифы и легенды старой Одессы» (Одесса, «Оптимум», 2020). Лучшими прозаиками названы Ефим Ярошевский, Валерий Хаит, Александр Бирштейн, Анна Михалевская.

Возвращение из небытия

Презентация альбома «Викентий Кугель. Взгляд фотографа», созданного Анной Голубовской, Юрием Масловым и Александром Якимчуком, привлекла на книжном фестивале «Зеленая волна» особый интерес. Около четырех лет шла работа над воплощением замысла.

Началось с того, что профессиональные фотографы Саша Якимчук и Аня Голубовская обнаружили существование личного фотоархива одного из жителей Одессы, который СОРОК лет фотографировал город, его людей, их быт и жизнь. И какие сорок лет – с 1913 по последний год своей жизни – 1953. Революции, войны, голод, ежовщина... Но эти фотографии автор нигде не показывал. Тщательно хранил, скорее всего, скрывал. Было чего бояться.

Одесский коллекционер и меценат Юрий Маслов купил всю коллекцию, не дав ей рассыпаться по десяткам собирателей одессики. Долгое время Анна и Александр расшифровывали, кропотливо осмысливали грандиозный архив, в нем более двух

тысяч снимков. Но сами фотографии, как решили создатели альбома, должны были для всех остаться тайной – до выхода книги из печати. И вот – чудо.

Великолепно изданный альбом впервые показан был на книжном фестивале.

Воскрешение. Из небытия вернулся к нам архитектор Викентий Кугель, член Одесского фотографического общества, которое находилось в доме № 40 на улице Жуковского. И оказалось, что в Одессе жил первоклассный мастер фоторепортажа. И оказалось, что его пристальный взгляд дал возможность нам, его потомкам увидеть не только дома, улицы, но и лица людей, менявшихся во времени. И быт, и одежду, и отсутствие одежды.

Юрий Маслов напомнил на презентации слова великого философа Николая Федорова, кстати, учившегося в Одесском Ришельевском лицее, который считал общим делом человечества – воскрешение ушедших поколений.

Викентий Кугель

Может, мы и начинаем с воскрешения наследия Викентия Кугеля...

Кстати, в Пензе удалось найти внуку Викентия Матвеевича – создателя музея Всеволода Мейерхольда. Она ждала выход альбома. Не дождалась. Шесть месяцев назад умерла, не зная, что книга в печати.

В Одессе, во втором христианском кладбище найдена заброшенной могила Викентия Матвеевича Кугеля, и уже приведена усилиями авторов альбома в порядок.

Нужно ли объяснять, что выход альбома – первая часть работы. В книгу вошло примерно 450 снимков из 2300.

Предстоит выставка мастера. И думается не только в Одессе...

Так что, 25-й книжный фестиваль запомнится чудом воскрешения.

На фото – автопортрет Викентия Кугеля, 1913 год.

Для детей – как для взрослых, только лучше!

Девятый международный литературный конкурс произведений для детей и юношества «Корнейчуковская премия» определил лучших писателей. Назовем только обладателей первых мест. В номинации «Поэзия для детей» (авторы из Украины) победил Евгений Ушан с подборкой «Стихи для детей», среди зарубежных поэтов главной наградой отмечена москвичка Юлия Воронцова («Спелый дом»). Елена Заржицкая из Днепра оказалась лучшим отечественным прозаиком для детей младшего возраста («Про мавпеня Мишка та козеня Бодю»), из зарубежных прозаиков лучшей оказалась петербурженка Веста Васягина («Капустин, Баттерфляев и два маяка»). А для старшего возраста лучшие прозаические произведения написали одесит Александр Макаров («Президент Ребьячей Республики») и петербурженка Инга Сомс («Зябликова, не спи!»). Лучшим сценарием детского фильма оказался «Счастливый принц» киевлянки Екатерины Станиславской. Немало наград получили и авторы за поиски новых образительных средств и форм. Примечательно, что многие конкурсанты на этот раз, очевидно, старались заинтересовать детскую аудиторию, а не воспроизвести атмосферу собственного чтения в том же возрасте, это важно!

Закрывать – так с музыкой

Закрывали насыщенную фестивальную программу выступления харьковского театра «Ланжерон» и одесского ансамбля «Мозаика» с солистками Таисией Шафранской и Людмилой Мазур. Но мы же помним, что на самом деле «Зеленая волна» еще продолжается...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
Мария ГУДЫМА.

«Беседы у рояля»

Итак, мы начали... Цикл встреч, который называется «Беседы у рояля», стартовал. Спикерами презентационного вечера выступили Юрий Дикий – пианист, глава Миссии Давида Ойстраха и Святослава Рихтера, директор международных фестивалей: «Рихтерфест», «Ойстрах-Ассамблея» и Хобарт Эрл – дирижёр, руководитель Национального Одесского филармонического оркестра, народный артист Украины.

В небольшом зале у рояля собрались члены клуба, которых заинтересовала тема первой встречи «Куда мы идем?». Что нового привнесли и приносят в музыкальную жизнь исполнители прошлого и настоящего? Чем интерпретации замысла композитора отличаются друг от друга? Что такое «интонация», и какова ее роль в трактовке музыкального текста? Что принесет век XXI? Мы намеренно не упрощали нашу беседу – это был разговор с подготовленными слушателями, которые во многом и создают, наряду с композиторами и исполнителями, музыкальную среду. И в этом котле идей, мнений, талантов и поклонников

Юрий Дикий и Хобарт Эрл

рождаются гении, возникают новые исполнительские течения и школы.

В планах клуба сделать эти встречи регулярными – в первую пятницу каждого нового месяца. Следующая встреча – 3 сентября в 18.00. Она посвящена музыке Иоганна Себастьяна Баха – сколь знакомой каждому мало-мальски музыкально образованному человеку при поверхностном взгляде, столь во многом и малоизвестной подавляющему большинству из нас при глубоком проникновении в ее изучение.

«Игра и мука»

Во Всемирном клубе одесситов состоялся встреча с одесситом и добрым другом – Иосифом Райхельгаузом. Свою творческую встречу наш гость назвал так же, как и свою новую книгу, – «Игра и мука». О ней, о творческих успехах и планах Иосиф Леонидович шла речь на вечере в ВКО.

Иосиф Леонидович Райхельгауз – не только писатель, но театральный режиссёр, педагог, народный артист РФ, профессор института театрального искусства ГИТИС и (внимание!) лауреат государственной премии Турецкой республики и Почетный профессор Тегеранского университета.

Иосиф Леонидович – создатель и художественный руководитель московского театра «Школа современной пьесы». А еще он – член Всемирного клуба одесситов. Так что это была встреча одноклубников.

Вот что рассказал вице-президент ВКО Евгений Голубовский:

– Мне всегда казалось, что мы знаем друг друга давно. Но что так давно, не представлял. Прочитал «Одесскую книжку» Райхельгауза, а в ней рассказ «Яблоко», который в 1965 году он, мальчишка, принес

мне в редакцию «Комсомольской искры». Это был первый его рассказ, который опубликовали. И сегодня этот романтический рассказ я бы с радостью печатал.

С этого и началась творческая жизнь Иосифа. Уже потом он стал актером одесского ТЮЗа. Уже потом поставил свой первый спектакль на сцене одесского Украинского – «Мой бедный Марат». Уже потом – «Современник», «Таганка» и собственный театр – «Театр современной пьесы». Если бы обо всем этом импровизировал Райхельгауз, то это было бы познавательно и интересно.

Но разговор шел о другом – о современном театре, о том новом, чем он отличается от театра конца XX – начала XXI века. Знали ли вы, что сегодня можно говорить о театре сценариста? Знали ли вы, что театр, да и любой творческий коллектив, где правит бал директор, а не художественный руководитель, – умирает.

Шел разговор и о театральной ситуации в Одессе. Тут бы можно воскликнуть «Прощай, любимый город», но спектакль с таким названием Иосиф Леонидович только задумал поставить.

А творческом вечере Райхельгауз прочитал свою прозу – «Курортный роман» – признание в любви родному городу.

Недавно отметили свой юбилей известная писательница Ольга Ильницкая. Во Всемирном клубе одесситов по этому поводу состоялась ее творческая встреча, на которой Ольга Сергеевна представила свою новую книгу стихов «Сгущение жизни – мое ремесло», вышедшую в 2020 году в серии «Авангарды».

Ольга Ильницкая – член PEN International, Южнорусского Союза писателей, Национального Союза журналистов Украины.

Основная тема книги «Сгущение жизни – мое ремесло» – назначение поэзии. В новой книге Ольги Ильницкой – жизнь и судьба поэта, несущего ответственность за то, чем взволнованы современники.

«Времена не выбирают. Очень точная формула. Презентация книги Ольги Ильницкой «Сгущение жизни – мое ремесло» должна была состояться раньше, но ковид, невозможность добраться домой внесли свои коррективы.

Так что сегодняшняя встреча Ольги Ильницкой во Всемирном клубе одесситов стал и празднованием ее семидесятилетия и презентацией новой книги.

Мы знакомы. Дружим лет 45. Не забуду, как увидел у нас в коридоре «Вечерки» плачущую девочку, позвал к себе в кабинет, попытался успокоить. Тогда она прочитала мне свои стихи. Грустные. Умные. Настоящие. Мы напечатали их. Но это не было первой публикацией.

До этого стихи публиковали на истфаке университета, который Оля окончила. Потом последовали книги – от «Вольного города», 1991, до нынешней».

Новая книга одесситки отмечена дипломом лауреата премии «Писатель XXI века» за 2020 год в номинации «Поэзия». Формулировка лаконична: «За выдающиеся достижения в литературе».

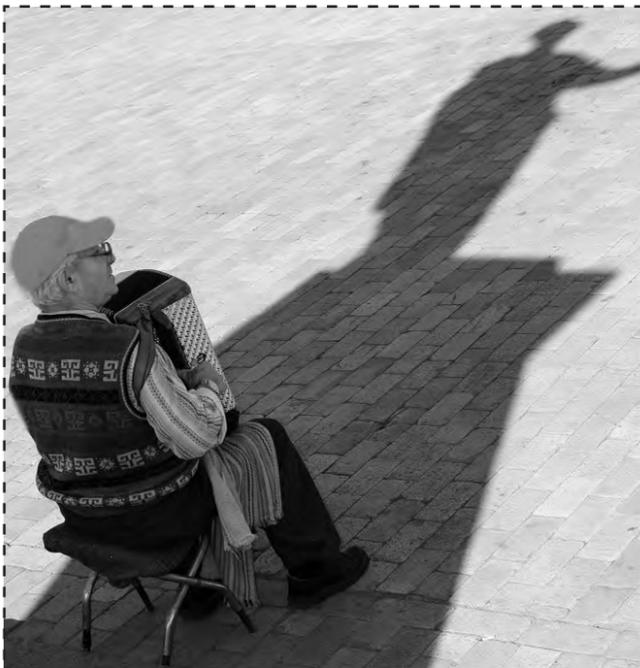
Поле жизни и работы, творчество и личная жизнь писательницы вызывают к себе повышенное внимание. А, значит, она состоялась – как личность, как человек.

На вечер Ольга Ильницкая читала и прозу, и стихи. Как всегда – напряженные, исповедальные. Грустные. Умные. Настоящие.

«Как в животе у паука стояли ночи.
Был с ночью каждой каждый вдох короч.
И изнутри запотевал зрачок угрюмый.
А убывающий молчал и думал:
лежу как хищник,
часа жду,
живу в засаде.
Как мертвый флюгер

на ветру –
с собой в разладе.
Озноба ядрышко легко проходит горлом.
Скользко за выдохом во вдох –
как год за годом.
Без перерыва на зевок,
без перепада.
Как будто времени века
и нет распада».

Материалы подготовлены Евгением ГОЛУБОВСКИМ

Ко Дню города во Всемирном клубе одесситов открылась фотовыставка Юрия Бойко. Зоркий взгляд известного одесского фотохудожника способен мастерски подмечать атмосферу города. Его снимки завораживают. Убедитесь в этом сами.

С юбилеем!

Одессит и профессионал с молодой и игривой душой Борис Бухман вступил на свой экватор. Известному мастеру фотографии, другу Всемирного клуба одесситов исполнилось 60!

В галерее #АРТОДЕССА юбиляр по этому случаю представил свой творческий фото-проект «ДИАЛОГ МОНОЛОГА». Серия выразительных черно-белых портретов ярко иллюстрирует талант художника. Его волшебная оптика способна улавливать в людях то, что, может быть, им самим не ведомо. В Бухмане уживаются мудрость и юношеский задор. Харизматичный, обаятельный, артистичный, он щедро делится своим опытом и знаниями с учениками. Его фирменная улыбка обладает волшебным целительным воздействием. Не зря же его называют самым позитивным фотографом Одессы.

Борис, ты прав! Останавливай мгновения! У тебя это получается на все сто!

ИМЕНА В ИСТОРИИ ОДЕССЫ

Лев Влодек и его «Пассаж»

Этой весной горожане узнали, что здание гостиницы «Пассаж», памятник архитектуры и градостроительства Одессы, подвергнут реставрации. «Пассаж» — одно из главных украшений города. Судьба его одесситам безразлична. А обветшавшее состояние дома в последние годы удивительным было трудно назвать. Следы былой красоты, как у престарелой дамы из высшего света.

По городу поползли слухи, а в СМИ даже появились фейковые новости, как будто выгладеть памятник после завершения работ. Верней, что воздвигнет на его месте, на углу Дерибасовской и Преображенской, собственный здания — компания «Рестинмакс-Украина». Слухи улеглись, лишь когда появились официальные сообщения.

Реабилитация здания отеля «Пассаж» обещают провести без изменения внешних геометрических размеров фундамента и целевого назначения объекта, с ремонтно-реставрационными работами по фасаду здания и благоустройством прилегающей территории. Высота четырехэтажного флигеля останется прежней, но (ох, уж это «но») в «Пассаж» появится мансардный этаж — за счет чердачного помещения внутридворовых флигелей. Муниципальные архитекторы уже дали на это «добро».

Во что может вылиться надстройка мансарды, одесситам хорошо известно после реставрации другого знаменитого памятника истории и архитектуры — гостиницы «Большая Московская», которую нагроутили помпезными несуразными надстройками, искажившими ее первоначальный облик.

Что ж, ждать осталось недолго. Реставрация знаменитого гостинично-торгового комплекса «Пассаж» стартует уже осенью. Восстановление здания может длиться до двух лет.

А как все начиналось

Но обратимся в прошлое. И «Большая Московская» гостиница, и знаменитый «Пассаж» были построены по проектам одного архитектора — великого Льва Влодека. Угловая территория по Дерибасовской и Преображенской — знаковое место в истории Одессы. А святое место пусто не бывает, как известно. Некогда здесь находился дом купца первой гильдии Михаила Крамарева. В доходном доме Кра-

марева размещались одни из лучших в городе аптеки, булочная, магазины мод, косметических товаров, шампанских вин и фотомастерская. В свое время тут жили: выдающийся хирург, один из основателей Новороссийского университета Николай Пирогов и младший брат поэта Александра Пушкина — сотрудник Одесской портовой таможни Лев Сергеевич Пушкин.

Только в 1898-1899 гг. прежний дом было решено снести, а на его месте появился новый торгово-гостиничный центр — роскошное творение архитектора Льва Влодека и скульпторов Товия Фишеля и Самуила Мильмана. В нем располагались гостиничные номера и первый в Одессе торговый комплекс, сразу получивший название Пассаж Менделевича — по имени домовладельца Моисея Менделевича.

Пышное открытие «Пассажа» состоялось в январе 1900 года, с молебном, торжественными речами и военным оркестром. Пассаж окропили святой водой и устроили банкет.

Но святая вода не помогла, и уже 30 октября 1901 г. в знаменитом торговом центре случился большой пожар. Огонь повредил угловую башенку Пассажа, с которой упала бронзовая фигура бога-покровителя торговли Меркурия и скульптур на крыше. Уже вскоре здание было отремонтировано и вновь радовало горожан и гостей своим изяществом (в то время строительные и ремонтные сроки были куда меньше, чем нынешние). Вот только угловую башенку не восстановили. А на фотографии того времени ее лишь дорисовывали.

Все, что ни открывалось в «Пассаже», всегда было «самое-самое». Самые модные магазины, самые привлекательные кондитерские. Самый большой детский универмаг, открытый в 30-х гг. XX века. И самый большой продуктовый магазин в Одессе — гастроном №1. И ныне туристы не обойдут стороной «Пассаж», чтобы не сфотографироваться во внутреннем дворе на фоне его барочной роскоши.

«Помни имя свое»

Наряду с началом реставрационных работ, стало известно, что в Одессе и сегодня проживают потомки Льва Влодека. Исследовать родовые корни, а также судьбу и жизненный путь выдающегося архитектора «Пассажа» решила его прапраправнучка Юлия Константиновна Бойко.

Отправной точкой исследований для девушки послужил документ, чудом сохранившийся в семейных архивах с 1917 года. Это свидетельство о рождении прабабушки Юлии — Тамары Николаевны Влодек. Метрика — единственный оригинальный документ, что ей удалось сохранить. В то время дворяне, потерявшие имущество, владения, звания, вынуждены были скрывать свое происхождение и, боясь за свою жизнь, сжигали семейные архивы и фотографии.

Болезненно было лишиться всего. Оставались лишь обрывки воспоминаний. О них и рассказывала маленькой правнучке Тамара Николаевна, гуляя с ней по Одессе мимо архитектурных творений знаменитого предка.

— Она мне внушала: «Всегда помни свои корни, помни, что ты дворянка по крови, уж этого у тебя никто не отнимет. Именно этот якорь памяти заставил меня начать поиски», — вспоминает Юлия Бойко.

Тамара Николаевна Влодек роди-

лась в Одессе в 1913 г., была крещена в Алексеевской церкви. Училась в Марининской гимназии, воспитанница школы благородных девиц. Таковы были сведения, которыми располагала девушка, начав поиск информации о своем роде, который длится уже три года.

После Одесского областного архива последовали запросы в Киевский, Винницкий, Житомирский, Петербургский архивы.

Более 900 страниц личных дел древнего рода Влодеков собрала праправнучка архитектора и, не будучи генеалогом, выстроила все древо.

Удалось определить, что Влодеки числились дворянами Волынской губернии. Туда прародители рода эмигрировали из Польши после ее раздела. В городе Житомир Волынской губернии в то время находился центр польской католической общины.

В Житомирском архиве гордятся дворянской родословной книгой Влодков (так писалась первоначально фамилия). В ней сохранились документы времен Польского царства, свидетельствующие о том, что Влодеки были шляхтичами и членами Сейма.

Юлия собрала прошения, выписки, свидетельства и переписки, послужные списки, — уникальные документы, которым более 300-т лет. Ради того, чтобы не утратить связь с предками.

Итак, род Влодеков был основан в 16-17 вв. Это были родовые дворяне, имевшие привилегированное право передавать дворянское происхождение каждому последующему члену семьи. Первыми основателями дворянского рода, о которых удалось узнать из архивных источников, были Франц I и его сын Казимир Влодки. Франц I получил привилегию — королевскую Грамоту польского короля Иоанна (Яна Собеского). Влодеки участвовали в избрании польских королей. Прадед архитектора Казимир 3 был хорунжим польских войск, землевладельцем. А его отец Леон Францевич служил секретарем Радомельского уездного суда, судьей земского суда уголовной палаты Липовецкого уезда в чине коллежского асессора.

Сам Влодек Лев Львович (Леон Леонович) родился в октябре 1842 г. в Житомире. Его мать — Олимпия Карловна Гасфорт была римско-католического вероисповедания. Будущий архитектор учился в Строительном училище в Петербурге. По окончании его приехал в Одессу и был направлен на службу в Строительный комитет помощником архитектора. Спустя четыре года был повышен в звании до инженера-архитектора

и произведен в титулярные советники. А через год назначен архитектором при Одесском градоначальнике и пребывал у него на службе до 1912 г. Руководил двумя заводами по изготовлению бетона.

Был женат на дочери надворного советника Подгурской Жозефине Эмериловне, имел 6 детей. Известны одесские адреса, по которым проживал Лев Влодек: ул. Ямская, 63, ул. Полицейская, дом Неймана (ныне Бунина, 26), Конная, 2а.

Завещано предками

Трудно сосчитать и перечислить все, что построено в Одессе по проектам архитектора Влодека. Десятки, если не сотни домов в стиле ренессанс, модерн и неobarocko.

Вот лишь наиболее выдающиеся архитектурные памятники: отель «Пассаж» (ул. Дерибасовская, 33), гостиница «Большая Московская» (ул. Дерибасовская, 29), большой комплекс тюремного замка, цирк Санценбахера (ул. Коблевская, 25), Училище торгового мореплавания (ул. Канатная, 8), особняк Менделевича на ул. Маразлиевской, 18, особняк по ул. Гоголя, 5 и доходный дом, по ул. Гоголя, 7, принадлежавшие Фальц-Фейну, особняк Пташниковой на ул. Канатной, 35... Кстати, за последний Юлии Бойко пришлось побороться, когда на сессии Облсовета, здание хотели вывести из государственной в частную собственность. Благо, потомок архитектора имеет юридическое образование и является депутатом Облсовета, и ей безразлична судьба памятников архитектуры ее прапрапрадеда и, в целом, исторического центра, каждое здание которого бесценно.

Любить свой город — это доказывать на деле свою любовь, уважительно относиться к его истории, к его памятникам, к тому, что представляет его суть.

Лев Влодек был не только прекрасным архитектором. Он также являлся членом Одесского общества изящных искусств и Одесского отделения Российского технического общества. Именно благодаря таким людям наша Одесса процветала, была третьим городом империи и обрела славу.

О своем великом предке Юлия Бойко готовит книгу, которая скоро выйдет в свет. Кроме того, в отреставрированной гостинице «Пассаж», в ее уникальном внутреннем дворе должен появиться памятник Льву Влодеку, над которым уже работает известный одесский скульптор Александр Токарев. Будем ждать.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Ожившая память поколений

К 80-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ НЕМЦЕВ УКРАИНЫ

В середине лета в выставочном зале Одесского историко-краеведческого музея открылась выставка в рамках проекта «Встреча поколений». Ее ежегодно организует Совет немцев Украины и входящее в него областное общество «Видергебурт» («Возрождение»). В экспозиции на этот раз собрана живопись, графика, фотографии. Но если часть собрания радует и улаждает зрителя, то другая – страшит и волнует. В первой – пасторальные картины патриархального быта маленьких немецких поселений и немецкой слободы с его размеренным укладом прежней жизни, которые словно на машине времени возвращают нас в прошлое, незамутненное предстоящими бедами. Во второй части – страшные картины изгнания, которому подверглись этнические немцы Украины. Выставка приурочена к 80-летию депортации немцев из Украины.

Особый интерес вызывает фотопроjekt «Один день из жизни немецкого поселения Катериненталь» Николаевским областным центром немецкой культуры.

Особняком стоит серия фотопроjekt на холсте главы правления Одесской фотографической ассоциации Сергея Гуменюка. На них – творения одесских зодчих, этнических немцев – архитекторов Клейна, Бруно Бауэра, Марии Вейнмарн, Германа Швермбрандта, Месснера, Кюнера, Владимира Кундурта, инженера Скведера... Они оставили потомкам прекрасные памятники зодчества, которые и сегодня – предмет гордости города. Куратор выставки президент Ассоциации немцев Украины Ангелина Сергеевна Шардт рассказала:

– Этот проект я веду уже 15 лет. За эти годы зрителям были представлены более 400 работ «Немецкий Днепр», «Немецкий Киев», «Наследие менонитов Запорожья», «Немецкая Одесса». На этот раз свои рабо-

В. Солодова, директор музея, С. Гуменюк и А. Шардт

ты представили: заслуженный художник Украины, Г. Руфф (Донецк), П. Алексеев-Мартин (Хмельницкий), Т. Юшко (Евпатория), Галина Невенчанна-Мартин (Запорожье).

Родители Ангелины Шардт тоже пережили депортацию. Село Степовое в Николаевской области – это бывшая немецкая колония Карлсруэ, основанная немецкими переселенцами из Бадена и Пфальца в 1809 году. Тут была вотчина Шардтов, там были их земли. Были. В 1945 году село было переименовано. О прежней жизни напоминает теперь лишь стремительно разрушающийся костел святого Петра и Павла.

Депортация народов – одна из печальных страниц в истории нашей общей когда-то страны. В числе тех, кто 1930-1950-х годах подвергся принудительному переселению, были и немцы.

Заселение немцами причерноморских земель началось в 18-м веке. Им было предложено осваивать новые территории. Взамен полагались льготы и субсидии.

Много колоний было основано на территории нынешней Одесской области: Гросслибенталь (ныне Великодолинское) была основана в 1803 г., Кляйнлибенталь (Малодолинское) – в 1804 г., Люстдорф (Черноморка) – в 1805 г., Александерхильф (Доброалександровка) – в 1804 г., Фриденталь (Мирное) – в 1808 г., Францфельд (Надлиманское) – в 1808 г... Всего к востоку от реки Днепр было основано более 500 колоний.

В Одессу немецкие переселенцы прибыли в 1803 г. и в силу исторически сложив-

шихся обстоятельств обрели новую родину. На выделенных городских землях возникло компактное поселение немецких ремесленников – Верхняя немецкая колония. Ее центром стала выстроенная в 1827 г. Лютеранская кирха. В немецкой слободе жили мебельщики, каретных и часовых дел мастера, изготовители фортепьяно, шляпники, башмачники, пивовары, мыловары, типографы, гравировщики, мастера музыкальных инструментов.

Немцы-переселенцы оставили после себя в Одессе добрую память: образцовая немецкая больница на ул. Старопортофранковской, 33, цирк Санценбахера (ныне – Одесский государственный цирк) на Коблевской, первые деревья в которых высаживал приглашенный герцогом Ришелье в 1812 году садовник Ганс Герман, прослуживший городу 50 лет. Горсад, Александровский и Приморский бульвары, училище Файга, в котором учился Леонид Утесов. Да много еще чего.

Но насколько велик вклад этнических немцев во все сферы жизни Одессы, в развитие и процветание украинской земли, настолько же трагична их судьба.

За свое столетнее благополучие немецкие колонии расплатились в полной мере. Изъятие земель и сельхозпродукции, ликвидация доходных хозяйств, политика «военного коммунизма», разорение традиционного уклада немецких хозяйств, насильно-добровольные пожертвования, последствия гражданской войны и голода, разрушение национальной культуры.

По данным переписи 1926 г., каждый десятый житель одесского региона был немцем (514 тыс. чел.) – четвертый главный этнос региона после украинцев, русских и евреев. В самой Одессе действовал немецкий педагогический институт, выходили газеты на языке Гете и Шиллера. По переписи 1939 г. было уже 392,5 тыс. немцев. А статистика 1959 г. дала

цифру 23,2 тыс. чел. Ныне в Одесской области процент немецкого населения составляет одну десятую процента (0,1%).

Что же произошло с одесскими немцами за каких-то 30 лет?

25 июля 1937 г. НКВД отдал приказ в сжатые сроки раскрыть и ликвидировать организации «немецких фашистов». Политическим преследованиям подвергались и служители культа. В 1937 году Одесская кирха потеряла последнего пастора довоенного периода – Карла Фогеля. Он был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к расстрелу. Но богослужения

продолжались до 1938 года, когда с церкви сняли крест.

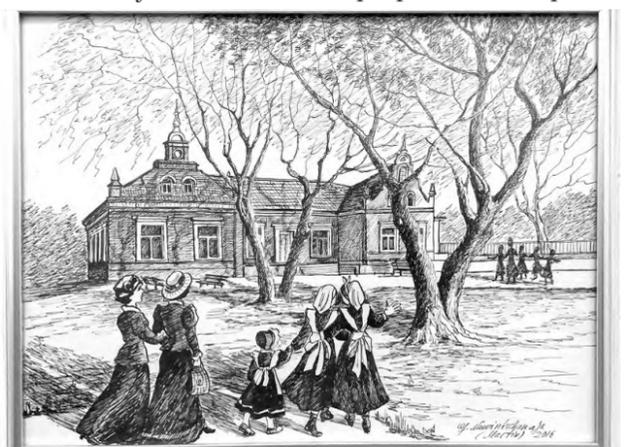
С началом Второй мировой войны советских немцев объявили пособниками фашистов, шпионами, диверсантами. Черной страницей в истории этнических немцев стала дата 28 августа 1941 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР советские граждане немецкой национальности были официально обвинены в измене, шпионаже в пользу немецкого фашизма. Советские немцы стали заложниками отношений между исторической и новой родиной. Началась их массовая депортация из мест компактного проживания. Жителей Одесского региона спешно вывозили в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии, но не как эвакуированных граждан, а как врагов: в закрытых товарных вагонах, под вооруженной охраной...

Некоторых расстреливали накануне прихода гитлеровских войск. Так, в октябре 1941 года, за несколько дней до оккупации Одессы был расстрелян церковный регент, органист Теофил Рихтер, отец выдающегося пианиста XX столетия Святослава Рихтера.

На местах людей ждала трудовая повинность, по всей строгости военного времени. Немцы-мужчины трудоспособного возраста были мобилизованы в «рабочие колонны», позже – в «трудармию» – фактически на принудительные работы в условиях концлагеря. С 1941 по 1956 год погибла примерно треть всего немецкого населения в СССР. Но и после войны положение не изменилось.

Указом 1948 года, немцы, как и крымские татары, чеченцы, ингуши, считались «выселенными из своих территорий навечно», а выезд из мест специального поселения без особого разрешения карался

ДАТЫ

каторжными работами сроком до 20 лет. Так несколько поколений советских немцев было вычеркнуто из нормальной жизни: лишены права на родной язык и образование, карьеру. Зато от Урала по всей Сибири работали трудармейцы, продолжая добывать, прокладывая, строить. В 1955 году немцев освободили от административного надзора. Но возвращаться туда, откуда были выселены, и претендовать на возврат конфискованного у них имущества они все равно не имели права. В 1964 году, наконец, вышел указ, которым все обвинения в адрес советских граждан немецкой национальности были названы необоснованными. В том же документе разъяснялась суть «крепкой дружбы всех советских народов» и «соблюдение прав и свобод национальных меньшинств»... У тысяч советских немцев от боли и несправедливости болели сердца.

Лишь в апреле 1991 года был принят Закон Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», позволивший формально реабилитировать себя и своих родственников. Полвека жили эти люди с клеймом несправедливых обвинений. Из почти 500 тысяч этнических немцев довоенной Украины, по переписи 2001 года, осталось около 33-х тысяч.

К слову, нацистские власти не считали их полноценными немцами. Германский рейх рассматривал сельское немецкое население Транснистрии как источник пополнения продовольственной базы для армии.

Весной 1944 г., отступая, руководство Германии приняло решение о переселении этнических немцев, находившихся под германской оккупацией, на Запад. Так, в марте

началась насильственная эвакуация немецкого населения Транснистрии в Германию и Польшу. В 45-м бывшие советские немцы подлежали репатриации на основе соглашения СССР с западными союзниками. Задержанных направляли в проверочно-фильтрационные пункты НКВД. Те, кому повезло, возвращались в родные места. Но их жилье, как правило, было занято. Но хуже бездомности были враждебность и предубеждение местного населения. Принадлежность к немецкой нации ассоциировалась с фашистами. Детей презирали и в школе, и на улице. Чтобы не усложнять им жизнь, родители скрывали немецкое происхождение. Знание родного немецкого языка превратилось в угрозу жизни и утрачивалось даже в быту.

Хотите услышать истории одесситов с немецкими корнями, тех, кому довелось остаться в оккупированной Одессе и что за этим последовало? Они еще живы и готовы делиться воспоминаниями.

Людмила Ангеловской в следующем году 80 лет. В конце войны ее, совсем маленькую, с родителями немцы увезли в Германию. Ее мама Каролина Георгиевна Гайслер – из немецких переселенцев, живших в Блюменфельде, теперь это – Краснополье. Мама знала немецкий язык в совершенстве, хорошо писала по-немецки. Поэтому в Берлине работала на фабрике. Папа был русским, работал на тяжелых работах. После войны, как стало возможным, они вернулись в Одессу. «Когда мы вернулись в Одессу, люди на улице кричали «фрицы», «гот-фрицы»».

Эльза Кукурадзе: – Нашу семью в 1944 году отправили в Германию, через год мы вернулись, по Дунаю. Мама была немкой – Элеоно-

ра Иогановна Шнайдер, была домохозяйкой. Папа до войны работал на мяскокомбинате, мастером колбасного цеха. Была еще старшая сестра. Вернуться домой из Германии нам помог советский офицер, одессит, который дал нам пропуск, повозку и лошадь. Помню, ехали через мост в Германии прямо по трупам. Сестре было 18 лет, и ей угрожала опасность. Уберегла нас от неприятностей женщина-командир, она спрятала ее, дала сопровождение, сказав «Никто вас не тронет». Приехав в Одессу, жили на улице Виноградной, в полуразрушенной комнатке. Прежняя квартира на Бебеля, 56 была занята другими людьми. Папа устроился грузчиком, мама – уборщицей, сестра – учетчицей. Голодно было, с трудом выкарабкивались. Потом я выросла, поступила в Консерваторию, успешно ее окончила и до сих пор в ней преподаю.

Александр Клейн тоже хранит память о своих предках. Дорожит семейной реликвией – свидетельством о рождении деда, выданном пастором Лютеранской кирхи в Одессе в 1900 году. Документ прошел и через германский, и через российский плен (дед попал в ссылку). Несколько поколений семьи Александра Глебовича жили в Одессе. Дед Клейн работал в пекарне. Когда фашистские войска отступали, они забирали с собой этнических немцев. Угнали в Германию в 1944-м и семью А.Клейна. Затем последовала репатриация на родину. Надеялись попасть в родной город, но вернуться в Одессу не разрешили. Пришли в родной двор, где их еще помнили, потоптались, да и пошли прочь. Нашли приют в бывшей немецкой колонии Гюльдендорф, сегодня – село Красноселька.

80 лет исполнилось с начала депортации одесских немцев. А нет ни креста, ни знака в память тех, чья жизнь было сломана, изувечена бесчеловечной государственной машиной репрессий. При этом известно место,

где давно пора установить обелиск в память о невинно уничтоженных. Не только немцев, но и поляков, граждан других национальностей.

Шестой километр Овидиопольского шоссе, окраина села Татарка, ныне – Прилиманское – одно из самых страшных мест Одессы. Этот пустырь – бывший спецобъект НКВД, место массовых казней жертв политических репрессий. На пустыре сталинские палачи в конце 30-х – начале 40-х расстреляли по разным подсчетам от 5 до 20 тысяч одесситов. Сюда свозили приговоренных «тройкой» к смертной казни. Кого-то расстреливали в застенках НКВД на Маразлиевской, а чаще – прямо на месте захоронения. Уже восемь десятилетий на этом «Месте скорби Одессы» находят многочисленные человеческие останки. Последняя страшная находка произошла в августе этого года. На месте массовых расстрелов НКВД нашли шесть новых расстрельных ям, где останки людей лежат в несколько слоев.

Членам общества «Мемориал» удалось разыскать протоколы ведомственного архива СБУ. В них – имена расстрелянных в конце 30-х гг. В основном 30-40-летние мужчины. Места проживания: Мариенталь, Иоганнесталь, Люстдорф, Мангейм, Вормс,

Гросс-Либенталь, Зельц, Воробьево-Берлин, Катериненталь, Ватерлоо, Нейбург, Гольбштадт, Баден.. Это все Одесская область. И таких, «немецких», протоколов десятки. У советских немцев, попавших в жернова советской карательной машины, было мало шансов выжить. Те, кто не был расстрелян, направлялись в лагеря и на спецпоселения, где многие погибли от голода и болезней. Быть немцем в 30-х гг. XX века в СССР было смертельно опасно.

Пора восстановить историческую справедливость. К 80-летию депортации одесских немцев дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Создана комплексная рабочая группа с участием общества «Видергегурт», в задачи которой входит – поднять в архивах списки погибших в 1937-38 годах и определить границы массового захоронения. Утвержден план работ по поиску могил жертв массовых политических репрессий, проведению исследовательских работ и увековечению памяти репрессированных.

И спустя десятилетия будет проведено перезахоронение жертв политических репрессий и установлен мемориал. Важно помнить. Чтобы никогда не повторилось подобное!

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Место расстрела жертв репрессий

Доктор Люсьена

Всемирный клуб одесситов показал личную коллекцию замечательного врача-нейрохирурга Люсьены Эрнестовны Клаулик. Ее уже нет в живых (картины предоставила дочка), нет в живых многих художников, с кем дружила Люсьена. Но личное обаяние Люсьены, спасшей жизни сотням ее пациентов, еще с нами. Она была удивительным, отзывчивым человеком. Для нескольких поколений одесситов ее имя было символом надежды. Она приходила на помощь, возвращая утерянные было силы, подвижность, и волшебным образом наступало облегчение.

Предварял экспозицию портрет Люсьены Клаулик работы Галины Мещеряковой. А далее – холсты Александра Ацмачука и Адольфа Лозы, Ореста Слешинского и Юрия Егорова, Виктора Маринюка, Валентина Хруща, Геннадия Гармидера, Игоря Марковского. Врач от Бога, она спасала жизни, когда диагноз казался приговором.

Эти работы художники дарили своему другу. Они ви-

сели в её рабочем кабинете в больнице, конечно, и дома. Идею выставки подсказал писатель Александр Бирштейн.

С раннего детства Люсьена Клаулик знала, что будет врачом: медициной занимался отец, который для нее был во всем примером.

Когда молодая выпускница Одесского Медина, едва окончившая интернатуру, участвовала во всесоюзном симпозиуме нейрохирургов в Ленинграде и вышла с докладом к трибуне, все пребывали в недоумении. Собрались серьезные врачи, ученые, идет обсуждение новых методик и наработок лечения, – а тут из Одессы прислали девчонку в коротком платьице. Что она может знать об этой, в то время новой и совсем не женской отрасли медицины?! А Люсьена уже в то время начала работу по изучению черепно-мозговых травм и их лечению, и ей было чем удивить собравшихся.

По стечению обстоятельств открытие выставки коллекции картины Люсьены Клаулик во Всемирном клубе одесситов

выпало на 22 июня. Очевидно, неслучайному. Люся – дитя войны. Отец был репрессирован, мама эвакуирована. Там, в Казахстане они и познакомились. И на свет появилась девочка с редким именем и фамилией – Люсьена Клаулик.

С отличием окончив Медуцилице, Люсьена поступала сразу в два вуза – в Харькове и в Одессе. И поступила в оба. Выбрала Одессу. Училась Люся не просто хорошо. В ее дипломе сделана редкая запись «отлично с отличием». Избрала для себя серьезное направление – нейрохирургию.

Еще будучи студенткой, Люсьена начала подрабатывать в 11-й больнице на Слободке, дежурила по ночам. Умную старательную выпускницу заметили и больше не отпустили. Ее наставниками стали: основатель школы нейрохирургии в Одессе Александр Павлович Король и руководитель ее диссертации Юрий Львович Курако. Они заметили упорство девушки, влюбленность в свое дело и поддержали молодого специалиста. Педантичная и деятельная Люсьена проявляла интерес не только к нейрохирургии. Со временем сферой ее профессиональной деятельности стала и неврология. Наряду с работой практического врача Люсьена Эрнестовна занималась и наукой.

Она была редким трудолюбивым. Работа превыше

всего. Единственная дочка появилась на свет лишь по настоянию мужа.

Преподавала на кафедре нейрохирургии и неврологии, потом – на кафедре нервных болезней в Одесском медицинском университете. Заболевания нервной системы – инсульт, рассеянный склероз, церебральный паралич, – стали ее «коньком». Доктор Клаулик консультировала новорожденных детей в роддомах, выявляя врожденные патологии.

Как врач обрастала пациентами, которые затем становились ее друзьями. Скольким людям она спасла жизни, и перечислить трудно. Многие врачи имеют свою какую-то отдушину, чтобы восстанавливаться, подпитываться энергией, которую тратят на пациентов. Такой отдушиной для Люсьены стали литература, музыка, искусство, живопись. Они давали ей заряд энергии, положительные эмоции. Так образовалась целая коллекция живописных и графических работ Люсьены Эрнестовны, подаренных ей с благодарностью и любовью ее пациентами, которым ей повезло вернуть здоровье, а иногда и жизнь.

Люсьена Клаулик много

ездила по миру. Читала лекции в университетах Италии, Англии, в разных городах Европы и Америки. Читала на французском языке, или с синхронным переводом. Часто бывала в США, где у нее было много друзей. Когда Люся приезжала, к ней на консультацию выстраивалась очередь из друзей, друзей друзей – с радикулитом, ишиасом, люмбаго... Ее звали работать за океан, но оставить Одессу она не могла.

Смертельная болезнь подкралась неожиданно, когда Люсьена Эрнестовна ушла в очередной отпуск. Ее диагноз не давал шансов. Операция продлила ей жизнь лишь на полгода. Люсьене Клаулик было 70...

Дочь Люсьены Эрнестовны Клаулик Ольга пошла по стопам матери, выбрав профессию врача. Стала стоматологом, преподает в Одесском Медине. По просьбе многочисленных друзей матери она впервые решила показать коллекцию картин «Доктора Люсьены», принадлежащим известным мастерам кисти – всего более 60 работ. Хороший повод вспомнить прекрасного одесского врача, дарившего людям радость жизни.

Путешествуем с Котом

Во Всемирном клубе одесситов открылась замечательная выставка коллажей известного театрального художника Станислава Зайцева – «Путешествие кота».

Первую выставку своих необычных работ С. Н. Зайцев приурочил к своему 75-летию юбилею.

Впервые Кот появился как графический набросок его супруги – художницы-керамистки Нины Федоровой. И он так понравился Станиславу Николаевичу, что он решил оживить его яркими красками, а затем уже пустить в путешествие по миру живописи. Вот как объясняет это сам автор:

– Художники в действительности – это одновременно режиссеры и декораторы. Кот

пытается войти в их спектакль и сыграть определенную роль. Это и определяет его актерский образ. Первая моя работа – Кот на фоне орнаментов барокко. Затем он оказался в картине Анри Руссо «Карнавальный вечер» и продолжил свое путешествие по картинам других известных художников. Он гармонично вписывается в них, перемещается во времени и пространстве и, конечно же, перевоплощается соответственно выбранной роли».

Получилось остроумно. Эстетично. Неожиданно. Красиво. Великолепный проект заблудившихся в мировой живописи, котом послужил основой для календаря, выпущенного в Риме. Как знать, куда направится Кот-путешественник в следующий раз...

ПРОГУЛКИ ПО ОДЕССЕ

В сквере Мечникова вдруг засохло абрикосовое дерево... Странно – два других абрикоса, растущие рядом, плодоносят. Под сенью этого, погибшего, «жил» лев. Напротив, через аллею, «жил» другой лев. Над ним тоже абрикосовое дерево, самое большое из четырёх. Пока живое...

«Уходящая натура» – тема, уже набившая оскомину. Всё когда-то рождается и когда-то умирает. Краеведы наверняка знают, кто автор этой скульптурной композиции из двух львов. Если задаться целью, то можно узнать, кто посадил и абрикосы. Мне сейчас не это интересно, я поставил перед собой другую задачу.

Есть, слава Богу, картина, на которой изображены оба, не разбитых ещё льва и цветущие в вечернем закате абрикосы! Картина была подарена мне на сорокалетие. И хотя говорят, что сорок лет не празднуют, я тот юбилей отметил с размахом! Заранее прошёл по любимым уголкам Одессы, сфотографировал их и заказал себе, любимому, подарки. Кому-то из художников достался Матросский спуск, кому-то – кусочек Отрады, а Володе Сапронову – сквер... бывшая Сенная площадь.

Володя работал в разных техниках, но тяготел к акварели, палитра у него мягкая, светящаяся! Другими словами – акварельная. Увидев готовую работу, я ахнул: абрикосы не цвели, когда я их фотографировал, но на то он и мастер – видеть то, чего не видят другие!

На улице Греческой одно время была небольшая, но уютная галерея «Фраполли». Там Сапронов засветился во всей красе. Галеристы и почитатели приходили любоваться его работами. Конечно, Владимир и раньше участвовал в различных проектах, но так мощно художник Сапронов предстал перед зрителем, пожалуй, в первый и последний раз.

Картина, о которой я веду речь, теперь в коллекции Сергея Костина – Сергей собирает ярких представителей одесской школы, Сапронов как раз относится к таковым.

Виктор Георгиевич Ефименко, преподаватель художественно-графического факультета Пединститута им. Ушинского, помог полтавчанину увидеть колористику южного неба, тёплого моря и жёлтого камня, из которого построен наш город, ставший впоследствии родным и для Володи. В свою очередь, Сапронов передавал это молодым художникам «худграф», а потом и «грековки», где ему доводилось преподавать. Он имел своё видение методики обучения и поэтому часто был в опале у руководства.

Мы с ним ездили на пленэры. Там люди раскрываются, становятся ближе, тогда и Вова открылся по-новому. Мне нравился его юмор – он был не показушным, без лишних «одессизмов», с долей сарказма.

На пленэрах Сапронов особо не заморачивался: наберёт с собой штук двадцать-тридцать картонок небольшого размера, «наклепает» этюдов, и был таков. Зато дома, в мастерской, на полгода-год есть задел. Работал по воспоминаниям! Главное, чтобы этюд был правильно скомпонован. Он и учеников своих так учил. Зарабатывал Володя продажей брендовых видов города. Но находил такие ракурсы, что другие художники «списывали» у него. Были свои поклонники и почитатели. Лена Пешикова, его жена и ученица, говорит, что на 80 процентов того, что умеет, обязана ему.

У ярких личностей так часто бывает: между учителем и учеником вдруг вспыхивает любовь. Как гром среди ясного неба! Как спичечный коробок от сфокусированного луча солнца! Я хорошо помню, как Вова гордо представлял Лену:

– Знакомьтесь: моя жена!

...Как жаль, что счастье так быстро течёт... Как жаль, что художник Сапронов так мало оставил после себя...

В сквере Мечникова

Но вернёмся к нашему скверу... Его писали многие. Я точно знаю, что была работа у Гены Горбунова, мастерская которого рядом, на Нежинской; по-моему, есть этот сквер и «в обойме» у Славика Скоробогатова, живущего по соседству. Здесь часто можно увидеть студентов с этюдниками: немудрено – худграф в двух кварталах.

Этот кусочек «старой Одессы» наполнен людьми и животными. Тут всегда было шумно и хлопотно. В позапрошлом веке, когда здесь располагался Сенный базар, были слышны: ржание лошадей, мычание быков и истошные крики упрямых ослов. Могут пофантазировать и представить себе, как мой прадед закупал здесь на зиму корма для своих двух кормилиц-лошадок. Тут по Внешнему бульвару вальяжно разгуливали «купчихи с попадьями», а под бульваром, в катакомбах, перемещалась контрабанда. Трудовой люд стекался по трём спускам, как по трём лучам, выходящим из одной точки, называемой Сенной площадью, на ночлег в свои слободки: Матросскую и Слободку-Романовку. С тех времён осталась сложная из камня и чудом не разобранная до сих пор ливнёвка в сторону Ольгиевского спуска. Такие места нужно беречь и показывать туристам.

В веке следующем, когда автотранспорт начал вытеснять гужевою, сенные площади, а их было несколько в городе, стали засаживать деревьями, что очень правильно в нашем жарком климате.

В сквере Мечникова есть даже редкие для нас породы деревьев, как гинкго, а также каштаны и акации, клёны и уже вышеописанные абрикосы. Пережил наш сквер и румын, и красные флаги на 1-е мая. Здесь всегда обитали стайки студентов и школьников из соседнего автотехникума и двух школ.

А по вечерам тут на протяжении всей истории Одессы «правили бал» совершенно другие люди. Я не смею утверждать, что «гоп-стоп» родился в Одессе, но в нашем городе он выкристаллизовывался, приобретая такую, знаете ли, форму, что вам после нелёта хочется аплодировать и пожимать руки всем действующим лицам.

Не верите? Спросите у известного художника Николая Овсейко. Ему довелось во времена студенчества жить в Ломаном переулке (это ещё один кусочек «уходящей натур»). Так вот, после одной такой «пьясь» Коля старался попадать в свою комнату засветло, чтобы не было причин снова аплодировать бандитам.

Сейчас, проходя мимо сквера, я часто присаживаюсь на скамейку, чтобы перевести дух. В тёплый летний вечер здесь много гуляющих, плюс люди,

набирающие воду в бювете. В данном контексте мне хочется словосочетание «уходящая натура» заменить на «смену декораций». Ну, не стало «львов», ну, погиб абрикос, но жизнь-то продолжается! Депутаты иногда тоже полезные вещи делают. Настроили качелей-каруселей, и потекли в «шарю», как называют его местные, потоки детворы с дедулями-бабулями да мамочек с колясками со всей округи.

Есть в этом сквере уголок, отведённый под выгул собак. Его однажды даже огородили. И, несмотря на то, что проволоку быстро растаскали на хозяйстве, граждане продолжают выводить сюда своих питомцев. Кто понаглее – выгуливает, где попало. Сюда же из Ломаного переулка ведут большие лошадей и маленьких пони катать детей и зарабатывать на «хлеб насущный». В общем, животные на этой площадке всегда были, есть и будут.

Дима Каржавин любил здесь гулять со своими таксами. Почему во множественном числе? Просто, когда приходило время умирать одной собаке, на её месте тут же появлялась другая, тоже такса.

И так получилось, что именно здесь, гуляя со своей любимицей, Дима нашёл свою смерть. По-дурацки, нелепо, в расцвете сил погиб хороший художник... Погиб, защищая права и детей, и граждан, и животных на свободу передвижения. Подонок, который его убил, наверное, тоже любил свою собаку. Но это не означает, что бойцовые псы могут гулять без намордника! Это и пытался Дмитрий объяснить оппоненту.

Да, Дима был правдолюбом и не терпел хамства. Он был настоящим «мачо», но не в этом случае... В последнее время его донимал сахарный диабет, мучило ощущение неудовлетворённости, нервы были на взводе... И вот он – злой рок, который прерывает... всё! Любовь, которая пусть и очередная, но, может, именно та, которой ему всю жизнь не хватало; расцвет творчества, который все художники оставляют на потом. Прерывает и муки физические... Пусть простят меня, но мне кажется, провидение даровало Дмитрию ту смерть, которую он бы выбрал сам.

Димыч, так называли его близкие друзья, любил животных. У него дома жили птицы, рыбки, в последнее время ещё и котик. Дмитрий жил в «бельгийском» дворе между Старопортофранковской и Новосельского. Квартира ему осталась по наследству от мамы, и он ею дорожил, поддерживал в ней порядок и вечно что-то ремонтировал. Мама очень хотела видеть в сыне художника, и её мечта сбылась – Каржавин был талантливым художником. Закончил «Грековку», потом

Сергей Брайко

– «худграф». Работал на дому, пренебрегал вступлением в «Союз». Безбедно жить Диме помогало занятие наружной рекламой. В паре со своим неизменным компаньоном Володей Рединым, они были как рыба в воде! Много магазинов, бутиков и офисов Одессы и Черноморска светятся по вечерам неоновыми огнями, красочно смонтированными этими ребятами.

Однако Дмитрий никогда не забывал своего призвания. «Прежде всего, – говорил он, – я – живописец!». И это было так! На пленэрах Каржавин забывал о рекламах, ремонтах, городской суете. Ставил перед собой задачи и успешно их выполнял. Помню, в Очакове пустился затяжной дождь. Кто-то отправился в номер отсыпаться, мол, в такую погоду «сам Бог велел». А Дмитрий увидел с балкона лежащий на мокрой траве апельсин. У художника – целый образ... Какой тогда классный натюрморт получился! У художника Каржавина «выстреливали» иногда просто шедевры. В том же Очакове была написана великолепная работа с катером, в ней Дима вместо белого цвета использовал грунт на холсте. Одной из лучших Дима считал картину «Кирха после пожара». Любил писать одесские дворики, фонтанские переулки, пляжи Затоки. Вообще Дмитрий был лириком в душе. Мало кто знает, что этот брутальный, с первого взгляда, мужчина писал стихи. Наверное, читал их своим любимым, чем и покорял женские сердца!

В быту он был эстетом. Если мы собирались выпивать у него дома, то это было некое священнодействие: водка покупалась дорогая (чтоб утром не болела голова), помидорчики, огурчики – лучшие, морепродукты – не из любого магазина, а паста – настоящая, итальянская. Когда я познакомил его с таким продуктом, как «моцарелла» (в Одессе её ещё не было, мне присылали друзья из Винницы), то в его глазах вырос и стал на ту же ступень кулинарного искусства, что и сам Дима.

А ещё он любил дружить! Странное словосочетание я подобрал, «любить дружить». Но у Димы это было именно так! Подходило время, и он обзванивал всех друзей, интересовался здоровьем, личной жизнью (иной раз даже навязчиво). «Нам надо чаще встречаться, – говорил он, как будто чувствовал свой скорый уход, – мы мало видимся. Нас становится всё меньше...». Кто, на самом деле, знает, как надо дружить? У него это было так...

Ну вот, сквозь призму одного отдалённо взятого сквера или даже отдалённо взятого абрикоса у меня вдруг получилось рассказать о некоей части художественной жизни Одессы...

Мой рассказ будет неполным, если я не упомяну ещё несколько фамилий, тесно связанных с этим маленьким уголком нашего любимого города. Здесь, буквально в шаге от сквера, на улице Мечникова живёт и работает художник и культуролог Дима Хамула; на Манежной долгое время вместе жили Анастасия Уварова и Сергей Кириченко, на Нежинской, почти у развязки, называемой «звездой», находится мастерская эстета и импровизатора Алексея Малика; а ещё выше, по этой же улице, находится квартира Жданкиных, семьи художников и иконописцев; в переулке Богданова рождаются невероятные идеи у художника-концептуалиста Дмитрия Дульфана. В третьем номере по улице Коблевской жил замечательный художник, капитан дальнего плавания Корневский Александр Ефремович – одесская легенда...

Однако, хватит. О легендах надо писать отдельно...

Саша Свиридова (Нью-Йорк)

Обещание мертвецам: «Приключения Ариеля Дорфмана в изгнании»

Не верю, что вы пойдете это смотреть, а потому – не боюсь рассказывать: картина длинная, полнометражная, хроникально-документальная с неотразимым главным героем в кадре: писателем, драматургом, поэтом А. Дорфманом. Мир знает его, как автора прогремевшей драмы «Смерть и Девушка». Он собственной персоной представил ленту на открытии МКФ. Фильм по пьесе «Смерть и Девушка» при желании можно увидеть. Пьеса прошла с успехом во многих странах мира, после чего Роман Поланский снял фильм с Сигурни Уивер в роли Девушки. Сюжет, о котором в России могла мечтать только Анна Ахматова: в преддверии бериевской амнистии после сталинского «великого сдоха» она писала, что «две России посмотрят в глаза друг другу: Россия, которая сидела, и Россия, которая сажала». Хорошо, что она не дожила до наших дней, когда отсидевшая Россия демократическим путем выбрала себе во власть вертухаев.

У Дорфмана сюжет на две персоны прост, как правда: одинокая Девушка в пустом доме на отшибе открывает в ночи дверь одинокому путнику, у которого сломался автомобиль в эпоху до-карманных телефонов. И опознает в нем своего палача. Вяжет его по рукам и ногам к стулу и начинает пытать. Словами. Напоминает ему, как он пытал ее в застенках только им известной страны и тюрьмы. А «Палач» – Девушкина Смерть – отпирается и настаивает на том, что она обозначалась. Вот и вся сказка. Что было дальше – смотрите сами.

Нынешняя лента с А. Дорфманом в центре повествует о другом: о самом Дорфмане, его невероятной судьбе и семье. В 1973 году во время переворота в Чили Дорфман, который в ту пору был едва ли не самым молодым советником президента Альенде по культуре, чудом не был арестован, чудом спрятан в посольстве Аргентины и чудом покинул страну. Почти все его друзья были

убиты. Режисер Питер Раймонт из Канады ступает след в след за Дорфманом в его первом путешествии назад в Чили. Один из соавторов картины – сын Ариеля Дорфмана Родриго. Я, конечно, специальный зритель для этой ленты, в которой меня завораживает ВСЁ. Начиная с красавицы-бабушки героя. Она жила в Одессе в одно время с моими бабушками, и я узнаю на фотографиях в кадре виды из семейного альбома моей семьи.

В Одессе бабушка Дорфмана владела пятью языками, училась музыке в Венской консерватории и, вместо того, чтобы томной красавицей музицировать по вечерам в нэпманских салонах Вере Холодной, в «окаянные дни» пошла служить переводчицей к Троцкому. Спасибо ему, что не оставил ее, когда уезжал за границу созданной при его участии страны, иначе бы XIX-й фестиваль правозащитного кино открывался какой-нибудь другой картиной.

Бабушка вывезла дедушку и детей в Латинскую Америку, в Аргентину, где господь миловал, и Дорфманы последовали за Троцким не до ледоруба. Расстались чуть раньше, уехали в Америку, обосновались там и жили долго и счастливо до маккартизма. Маленький Ариэль родился и вырос в Нью-Йорке, левацкие верования семьи привели к тому, что он стал социалистом. А в период маккартизма маленький Дорфман обнаружил, что в момент казни супругов Розенбергов на электрическом стуле – за передачу ядерных секретов Америки товарищу Сталину, – ему стало страшно, что его папа и мама – следующие. Со щемящей прямоотой он комментирует кадр кинохроники, где американские полицейские ведут двух маленьких осиротевших детей Розенбергов: «Я понял, что завтра это могу быть я»...

Папа Дорфман понял это тоже. И покинул Америку. Они бежали в Латинскую, осели в Чили, и опьяняющая волна левизны эпохи Альенде

накрыла молодого поэта, да так, что он был отмечен властями, и зван в аппарат. Чудо всей истории в одной реплике: команда Альенде знала, что она обречена, что Америка не допустит советизации Чили. Американцам было достаточно Кубы. Команда Альенде составила список, по которому утром обзванивали всех, кто должен явиться во Дворец в случае переворота. И когда час ИКС настал, и Дорфман ждал звонка, звонок ему НЕ поступил. Остальные – по списку – явились во дворец, были схвачены вместе с Альенде и убиты. Спустя годы Дорфману довелось встретиться с тем человеком, кто звонил по списку.

– Почему меня не было в списке? – спросил Дорфман.

– Ты был.

– Почему тогда мне не позвонили?

– Я тебя вычеркнул.

– Почему?

– Я решил, что кто-то должен остаться в живых, чтобы рассказать о нас, а ты был самым молодым и талантливый...

Вот такой сумасшедший поворот.

Кадры хроники 11 сентября 1973 года сохранили картинку того, как Дорфман пытался прорваться во Дворец. Здание уже оцеплено солдатами Пиночета. Это видеть невыносимо: всем внутри ясно, что их ждет смерть, а Дорфман снаружи ведет себя, как безумец, для которого чувство долга, идеалы революции, – ценнее ЖИЗНИ. И взрослый человек – прибывший с визитом седой Дорфман – останавливается на том самом месте, где юношей замер 11 сентября 1973-го и произносит:

– Я понял, что там – смерть. Поставил и... пошел в противоположную сторону. Я выбрал жизнь.

Это невероятная по надрыву сцена. Я видела, знаю – встречалась и близко общалась со многими, кто стыдится того, что остался в живых, когда остальные погибли. Дорфман долго молчит в кадре – видно, как

он прощает себе то, что остался. Что женился на той, которую любил. Именно она ждала его в машине, когда он пошел умирать. Счастлив, что она родила ему двух сыновей. И видит свой долг в том, чтобы не дать погибшим исчезнуть в мутных водах реки Леты, смывающей следы человеческих преступлений без следа. А подарок, который выпал режиссеру в кадр – из рукава небес: съемочная группа прибывает в Чили в момент, когда умирает в госпитале Пиночет. И город рыдает и скорбит, прощаясь с великим вождем, который предотвратил приход коммунизма, красной чумы, «распад страны», как кричат верующие в Пиночета, и «помог избежать гражданской войны». Дорфман идет своими дорогами, но отдельные перекрестки в жизни Сантьяго-де-Чили знаковые, и обыкновенный прохожий, пару раз обернувшись на съемочную группу, останавливается, притормаживает и плюет Дорфману не в лицо, но под ноги:

– Коммунистическая сволочь...

Скажу сразу, что это немолодая элегантная женщина. И кипит мой разум возмущенный: убивать – нехорошо, Дорфмана и всех погибших под Пиночетом – жалко, но коммунистов не люблю. Плюнуть вряд ли смогла бы, особенно на улице – под оком камеры – но... целиком и полностью согласна с прохожей. А Дорфман и его съемочная группа не останавливаются: они идут под окна госпиталя, где угасает убийца, и... гуманист Дорфман вступает в круг истерически рыдающих «Черных колготок» Чили и выражает им соболезнование: «Вы любили его, и я понимаю, что вы сейчас чувствуете...»

Я была искренне рада за гостей МКФ, что в ночь открытия им предложили достойный фильм. Помимо этого, были еще несколько лент, связанных с именем этого драматурга. Две работы написаны им в соавторстве со своим сыном Родриго – «Пленники времени» 1995 года и «Линия смерти» 1998-го.

Валентина
ГОЛУБОВСКАЯ

Уроки Привоза

ИЗ НЕВОШЕДШЕГО В КНИГИ

Попробуй на Привозе сказать «щавЕль»! Засмеют или не поймут, и это не единственный пример: синие, а не баклажаны, буряк, а не свекла и т.д.

И всё же Привоз тоже учит.

Я покупала всегда броккОли. Однажды продавщица меня поправила – «брОкколи». Я удивилась, недоверчиво на нее посмотрела, взяла «броккОли» и дома проверила, что же я купила. Боже, какой стыд! Хорошо, что не вступила в спор с продавщицей.

Еще. Покупаю всё время руккОлу. На днях зеленщица мне говорит: «рУккола!». Я, пережившая орфоэпический стыд с брокколи, не стала ей перечить, взяла рУкколу. «Опять двойка!»

Так что Привоз не так прост, как кажется. А то говорят снобы – «Фи, Привоз!» Сколько раз я забывала попку на прилавке, через день подходила, мне возвращали – овощи или фрукты, часто добавляя: «Вы так быстро ходите, я бежала за Вами и не догнала!» Помню, выбрала мясо, хватилась – забыла дома кошелек! Продавщица мне говорит: «Берите мясо, идите домой, готовьте обед, в следующий раз отдадите деньги!»

Это – Привоз! А Женя говорит, что я хожу на Привоз, как в клуб!

Елена АНДРЕЙЧИКОВА

Почему я пишу?

Если хотите, чтобы вечная улыбка сползла с моего лица, спросите при встрече.

Меня часто спрашивают, пора бы уже привыкнуть к этому вопросу и заготовить внятный ответ.

Но просто внятный – я не могу.

Они же ожидают феерии. Мол, ты же писательница, давай, жги.

А я не могу так спонтанно жечь. Я поэтом и пишу, что мне необходимо посидеть в тишине, напрячь извилинки, в носу поковыряться, отредактировать три раза и отправить на проверку уважаемому редактору.

К тому же я женщина. Вспомнила, что еще не умывалась, отвлеклась. Знаете, как женщинам надо умываться? Гель, пенка, тоник, крем. Пока все процедуры закончила, уже забыла, что хотела сказать. И все сначала.

Так вот, почему я пишу.

Перед тем как ответить, всегда молчу. Минуту. Или две. Зависит от спрашивающего. Если на вид умен – две минуты, не меньше. Чтобы понял и ощутил мое презрение к нетактичному садистическому любопытству.

Мне же не приходит в голову спрашивать у людей: почему вы лечите, почему вы копае, почему вы стрижете? У каждого ж свое, хотя все понятно. Лечим – потому что спасти кого-то душе надо, копаем – потому что лень не копать, стрижем – потому что любим пострижен-

ных. Если нет – возмутитесь. Но позже.

А почему я пишу? После длинной паузы рассказываю – потому что не могу иначе, потому люблю это дело, потому что получается.

Все это вранье. Могу и не писать. Могу просто быть – у меня это красиво получается. Особенно после геля, пенки, тоника и крема. И дело это часто ненавижу. Все гулять, а я наказанная. За столом. Причем сама себя, никто не требовал. Получается? Иногда получается. Но иногда, думаю, лучше бы я взяла лопату в руки...

И плету этим вопрошающим изящные звуки. Это мне еще сложнее дается, чем буквы. Но плету. Позитиво облигат. К тому же память слабая. Умничаю только с Википедией. Как сейчас. Главное, произвести впечатление. Ко всем моим придурковатостям, я еще и мелкий нарцисс. Мелкий, потому что не токсичный, как сейчас принято обзывать. Разве что аутоинтоксикация случается. Вот снова, Википедия в помощь.

Но вам-то я могу сказать, почему пишу. Все просто, сбрасываю неврастению, как балласт с тонущего корабля. У меня этого балласта! Сдуру на борт нахватала за жизнь, но оказалось, что пригодились. И еще, чувствую, пригодится. До береговой линии. Но пока только синяя вода вокруг. Темно, тихо, тревожно. Ну и ладно. Пошла писать.

ИСТОРИИ

Виктор Марущенко: Междометие в резкости

Я начал ходить за Лидером примерно в году 1979-м. Меня притащил к нему тогда Слава Коштелячук. Мы помогали Лидеру делать макеты. Мы были не первые. Раньше, до нас, за Лидером начали ходить: Леся Беспальчая, Наташа Рудюк, Володя Карашевский, позднее появились Юра Кобан и Володя Рыданых. В этом хождении была какая-то прелесть потому, что в общении с Лидером внешний мир как бы исчезал, а все проблемы искусства и личной жизни выплывали на первый план. Среди нас был так же человек с фотоаппаратом. Его звали Виктор Марущенко. Симпатичный, улыбочивый, плотненький человек в очках, существовал как бы немного фоном, за Лидером. Всегда приветливый, остроумный и очень внимательный. Его дружба с Лидером носила со творческий характер. О нём он говорил так: «... я считаю его одним из моих учителей. Получается, что это тот человек, который научил меня образному мышлению, он научил обобщать, выделять главное, научил определённым основам концептуализма насколько было тогда возможным. Встреча с Даниилом Даниловичем Лидером и работа над его двумя книгами, она была абсолютно технической, но общение было безусловно очень-очень важным. Это был 1977 год, наша дружба продолжалась долго, вплоть до самой его смерти. Материал тогда получился просто уникальный. Общаться с ним было полезно и приятно, могу сказать, что это лучшие годы моей жизни.» Работа над книгами Даниила Лидера требовала от фотографа съёмки театральных макетов. Марущенко придумал тогда уникальный по простоте, и по выразительности способ съёмки этих объектов. В то время использовать масштабный свет было невозможно, — ещё не было таких удивительных масштабных фонариков, которыми сейчас наводнены магазины. Марущенко предложил Лидеру вынести макеты на улицу, на солнечный свет. Таким образом, Солнце стало тем театральным

осветителем, который проявил все достоинства лидеровских придуманных миров. Длинные равномерные тени от макетных деталей усиливали ощущение пространства, добавляли реализма вымыслу как на картинах сюрреалистов. Съёмка была чёрно-белой. В этих условиях Лидеру оставалось только графически выверить рисунок расположения объектов на плоскости, их взаимодействие в пространстве, так, как не только предмет несёт информацию, но и пустоты пространства между предметами очень важны. Эту графичность очень хорошо ощущал и фотограф Виктор Марущенко. Эти его работы всегда отличались изысканностью, вкусом и артистизмом.

Появление Виктора Марущенко в общем театральном процессе было настолько же важно для нас, как для него — дружба с Даниилом Даниловичем. Он снимал тогда всевозможные репортажи о студенческой жизни и жизни молодых сценографов, которые только только начинали работать в театре. Но особый интерес представляла для него актёрская жизнь. Его метод съёмки совершенно отличался от характера работы предыдущих фотографов. Это было искусство подсматривания без украшательства и прилизывания. Любимым местом обитания Виктора было закулисье и актёрские гримёрки. Здесь он мог поймать фотообъективом неожиданные ракурсы актёров, их непринуждённость, как бы междометия жизни. Невообразимо ценный архив его работ был достойно приобретён Национальным театром имени Ивана Франко, и издан отдельной книгой. Мне посчастливилось общаться с этим обаятельным человеком и стать объектом его профессионального интереса. В начале 90-х Виктор зашёл ко мне в макетную посмотреть, чем я занимаюсь. После непринуждённого общения он вдруг скомандовал: «А ну-ка встань у штатива и обопри на него!». Достал фотоаппарат и щёлкнул несколько раз. После этого добавил: «Как Параджа-

нов — со штативом!», — и улыбнулся. Когда я увидел фотографию, то действительно вспомнил чёрно-белое фото Сергея Иосифовича, напечатанное в журнале «Советский экран» в конце 60-х. На белом фоне человек в чёрном в чёрной шляпе, легко играя облокотился на штатив от прожектора. Действительно, парфразом служила моя поза, но фоном была дверь макетной, а иронию ситуации придавал контраст между внешностью «à la Velazquez» и надписью на чёрной майке — «OZZY OSBOURNE». Так называлась группа хард-рока и хеви-метал.

Немного позже в театре Франко мы с Сергеем Данченко придумали встречу с театральными критиками прямо на сцене в чеховской атмосфере. Был использован лидеровский лабиринт окон из спектакля «Дядя Ваня» как среда, в которой был накрыт стол в ожидании гостей, стулья, кресло-качалка. Среди гостей внезапно появился Виктор Марущенко с фотокамерой. Пока шли разговоры, я стал прогуливаться по сцене и в конце концов, присел в кресло-качалку, стоящую поодаль. Задумавшись я не заметил первого щелчка. Услышал второй совершенно рядом, и от неожиданности резко обернулся. Фото получилось неимоверное! Смазанное испуганно-разъярённое лицо напоминало портреты Фрэнсиса Бэкона. Поймать такое мог только Виктор Марущенко!

Этот фотопортрет так застрял во мне, что я стал «ждать сагисфакции». Купил простенький фотоаппарат, освоил его и стал ходить с ним на все открытые выставки, где мог появиться Виктор. И вот — случилась! Не помню уже на какой выставке, Марущенко делал репортаж. Я долго ходил за ним, прицеливался. В какой-то момент он щёлкнул фотоаппаратом и стал отводить его от глаз, ещё оставаясь наблюдателем объекта, который снимал. В это мгновение я на-

вёл на него объектив, он почувствовал и взглянул на меня. Фотография получилась потрясающая! На меня глядел ребёнок, пойманный врасплох, удивлённый неожиданностью, застенчиво улыбающийся. Я подарил снимок Вите, он был признателен.

Если человек имеет стержень, он рано или поздно наводится на резкость. Виктор Марущенко имел этот художнический стержень, свою человеческую позицию. Поэтому так свободно и просто мог заявить: «Можно обладать всевозможными профессиональными навыками, но, если тебе нечего сказать, ты ничего не снимешь».

Андрей АЛЕКСАНДРОВИЧ-ДОЧЕВСКИЙ,
Киев.

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

В 7-й раз подведены итоги городского конкурса «По страницам истории Одессы» на лучшее проведение интерактивных экскурсий по истории и культуре города. Это творческое состязание среди школьников организовано Департаментом образования и науки горсовета и Всемирным клубом одесситов и посвящено памяти Аркадия Креймера — заместителя директора ВКО, краеведа, педагога и замечательного человека.

За 7 лет конкурсом им. А.Креймера стал традиционным и занял достойное место в школьном календаре Одессы. Он в немалой степени служит мерилом профессионализма преподавателей города, а его юные участники проявляют глубокий интерес к краеведению, повышают свои знания по истории, литературе, музыке, архитектуре, искусству, проникаются любовью к городу, в котором родились и живут.

Церемония награждения победителей традиционно проходила во Всемирном клубе одесситов. В этот раз в конкурсе приняли участие 35 учеников из 18 школ Одессы. Тематика экскурсий разнообразна и увлекательна.

Первого места удостоена работа ученицы Юридического лицея Юлии Фисало-

вич за экскурсию «Валентин Катаев — его след в истории Одессы».

Второе место разделили между собой: ученик УВК № 49 Олег Ковальжи — за экскурсию «Кот» — колорит одесских театров» и ученик лицея «Ланжероновский» Игорь Ковалев — за экскурсию «Прогулки по крепостным предместьям» (История улицы Маршаловской и ее домов).

Третье место получили: ученица школы №122 Юлия Перлишина — за экскурсию «Жизненный путь Якова Бардаха»; ученики Одесской ООШ №92 Федорова Дарья и Лукавецкая Анастасия — за экскурсию «Приморский бульвар сквозь время»; ученицы школы №111 Александра Мосьпак и Анастасия Санникова — за экскурсию

«Прогулка улочками Старой Слободки».

Оригинальностью и творческим подходом отличились работы: «Нимфы у моря: одесская история Леси Украинки», «Итальянская Одесса», «Путешествуем по Одессе с героями скульптора Александр Токарева» и др.

По мнению неизменного члена жюри — известного писателя и краеведа Анатолия Горбатюка, проведение творческого исследовательского конкурса — лучший способ сохранить память о Гражданине и Одессите Аркадии Евсеевиче Креймере. В финале церемонии учителя Одессы подарили на память Всемирному клубу одесситов «Книгу моего рода».

Мы поздравляем победителей! Успехов всем в следующем учебном году!

Памяти СЕМЁНА КОГАНА

Летом этого года в Бремене ушёл из жизни Семён Коган — ветеран Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг., военный и гражданский переводчик, одессит.

Семён Ефимович Коган родился в октябре 1917 года (по другим сведениям — в октябре 1916 года). Встретил войну военным 22 июня 1941 на советской заставе в Прибалтике, возле разграничительной линии между СССР и Германским Рейхом. Отступал с оборонительными боями, сначала — к востоку Прибалтики, а затем — вглубь европейской части СССР. Получил тяжёлые ранения, но смог вернуться на фронт, бил врага и закончил войну, освобождая от нацистов Германию. Семён Ефимович участвовал в боевых действиях СССР против Японии в августе 1945 г. И снова — военная служба в Германии. Демобилизовавшись и вернувшись в Одессу, С.Е.Коган многие десятилетия работал переводчиком немецкого языка на одном из одесских заводов. Все эти годы кругом его интересов были: история Одессы и Германии, литература, история книгопечатания. Многие годы Семён Ефимович был членом Одесского городского клуба любителей миниатюрной книги.

С 2006 года Семён Коган жил в Германии, в городе Бремен. Мы дружили семьями с 1946-1950-го гг. Он прожил долгую интересную жизнь. В последние годы болел, но сохранял полную ясность мысли и ума, держался достойно, смотрел в будущее с оптимизмом, скучал по Одессе, радовался и сопереживал вместе с родным городом... В конце прошлого года Семён Ефимович Коган был назван Человеком года по версии Форума «Крузиню».

Светлая память Семёну Когану. Мы будем его помнить и посвятим ему публикации, связанные с его деятельностью.

Ян ПИЧИНЕВСКИЙ
Редактор Форума "Крузиню"
На фото: Семён Ефимович Коган.
г. Одесса, 1980-1990-е гг.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Александр Назаренко (Сан-Франциско)

Продолжение. Начало в №2 (116)

По волнам моей памяти...

Во время иностранных круизов все переходы от порта к порту проходили в ночное время, а стоянки в порту — в дневное. Советские турфирмы в то время не имели опыта организации сервиса. Поэтому развлекательную часть на борту мы взяли на себя. И, ни секунды не сомневаясь, пригласили для выступлений Жванецкого, Карцева и Ильченко. Артистам были выделены три каюты — полулюкса, столик в ресторане 1 класса, бесплатное питание и предоставлена возможность брать с собой семью. А юмористы обязались давать по два получасовых выступления в музыкальном салоне каждый рейс. Я делал все, чтобы пробить нашим героям минимальную зарплату, но все было тщетно. Но они были согласны. Важнее денег была возможность выступать перед зрителями и совершенствовать свое мастерство. Много было «подводных камней». Помполит вначале было хотел визировать все тексты актеров. С трудом удалось не учинять артистам никакой цензуры.

В первом же рейсе я обнаружил, что «сарафанное радио» опережает движение судна. В Батуми на борт пришли мои друзья с просьбой отпустить артистов встретиться с почитателями их таланта в зале Мореходного училища. А за ценой они не постоят.

По приходу в Одессу я с удивлением обнаружил, что достать билеты на круиз в кассах Моргентства невозможно. Когда во второй приход я хотел взять в кассе билет для любимого преподавателя ОВИМУ Германа Григорьевича Ермолаева, кассирша только рассмеялась: все билеты на летние круизы были проданы: «Если кто откажется, вам дадут радиопрограмму». Начальник управления пассажирского флота ЧМП Владислав Петухов, к которому я пошел жаловаться с возмущением, заявил: «Они продали даже мою бронь на два полулюкса! Это ты виноват! Как к тебе на судно в Геную прилетела Нани Брегвадзе со своим концертмейстером Гонглиашвили? Как в твоём музыкальном салоне появилось электропианино «Ямаха»? Где ты взял портативный печатный станок, на котором прилетавший к тебе журналист из Москвы выпустил четыре номера газеты на итальянском языке? И с чего бы это знаменитый Коба Гурули, великий

чеканщик, подарил теплоходу «Шота Руставели» четыре панно, выполненных по способу древних грузинских мастеров?»!

Круизы того лета были на «ура». Миша Жванецкий с друзьями успевал не только выступать перед зрителями, но и плодотворно работать над новыми литературными произведениями. Его полная юмора и здравого смысла «Холера в Одессе» была им написана как раз на борту т/х «Шота Руставели» в тот период, когда на весь период изоляции мы превратились в плавучий инкубатор. Жванецкий наблюдал, анализировал и описывал происходящее с людьми в период всеобщей опасности. К большому моему сожалению, в первом изданном сборнике «Холера» была подвергнута безжалостной цензуре, после которой часть гениального текста сатирика исчезла.

Прошло более 50 лет, но помню, как проходили эти «героические» круизы в разгар холеры в Одессе. Приехавшие в то лето 70-го позагорать в лучах одесского солнца, поплескаться в волнах Черного моря туристы оказались запертыми на карантин. Прорваться через заставы одесского гарнизона, плотным кольцом опоясавшего город, было невозможно. И вдруг — на тебе! — 10-дневная прогулка на лайнере, обслуживающем иностранных туристов. На борту — 820 пассажиров, по количеству кок и мест в спасательных шлюпках. Брать родственников артистам тогда категорически запрещалось. Центром притяжения участников морской прогулки стали бар «Пиромани» и музыкальный салон. В музыкальном салоне блистали Жванецкий, Карцев и Ильченко, не ограничиваясь установленным

временем. После выступлений было время танцев.

Обычно в баре гости окунались в хоралы церковного пения 8-го века, записи которых прислала нам Виктория Мджаванадзе, жена первого секретаря Грузинской компартии. Кстати, чеканка, украшавшая салон лайнера, была делом рук студентов батумского художественного училища. Один из членов экипажа, бывший реставратор, добавил сусального золота и красного кадмия, и зал стали именовать салоном царицы Тамары. Я вспоминаю этих ребят, настоящих джигитов, которых я пытался отблагодарить за работу. А в ответ: «Батонэ капитан, для нас награда, что о нашей древней культуре узнают в мире».

Но в этот карантинный круиз все было по-другому. В первый же вечер пассажиры принесли с собой портативные магнитофоны, и полилась совсем другая музыка. Преобладал одесский шансон. На суше — карантин, а на судне воцарилась атмосфера лихого отчаяния и сумасшедшего веселья. Мне пришлось запретить продажу табачных изделий в барах и буфетах, так как строгие предупреждения пожарных матросов действия не имели.

Мы, как могли, старались развеять слухи, что на борту среди пассажиров есть «холерные» и что гибель их неизбежна. Весь этот сплав летнего солнца, морского бриза, пьянящего ветерка, усыпанного звездами ночного неба и полной неизвестности, что там, на берегу в карантинной Одессе, создавал особый пряный аромат любви на борту качающегося на волнах теплохода и у пассажиров, и у музыкантов и артистов, и даже у членов экипажа.

Спустя годы Михаил Жванецкий рассказал на одном из концертов детали тех «холерных» круизов. Был у нас такой Иван Авраменко, администратор пассажирской службы, бывший сотрудник водного отдела милиции, изводящий помполита ежедневными доносами. Миша сумел расположить к себе, разговорить этого «персона-

жа», чтобы потом включить услышанное в свои сатирические рассказы. Окрыленный вниманием собеседника, Авраменко откровенничал, признался даже, что, будучи он руководителем города, то немедленно сбросил бы с пьедестала Дюка и на его место водрузил товарища Сталина!

...В период швартовых операций и маневров Жванецкий любил находиться в рулевой рубке или на крыльях мостика. Стараясь никому не мешать, он занимал позицию, откуда был наилучший обзор. Еще в Институте инженеров морского флота Миша изучал устройство судов, вопросы их непотопимости. И его вопросы в наших беседах были интересны. Скажем, почему капитаны пассажирских судов ЧМП никогда не берут лоцманов для входа и выхода из порта в то время, как руководство других видов судов обязаны их брать. Или почему в прошлый раз я отдал приказ боцману «вытравить» якорную цепь так, чтобы соединительная скоба на звездочке оказалась на третьей смычке, а в этот раз — когда на звездочке брашпиля оказалась четвертая смычка. Миша интересовался инерционными и маневренными свойствами теплохода, от чего зависит тормозной путь, что такое «парусность», как влияет осадка на скорость и маневренность судна.

Миша подолгу стоял на крыле мостика, опираясь на ветроотбойник, и смотрел на плескающиеся о борт волны. Он был бы отличным судоводителем. Но Создатель избрал для него иной путь, не менее, а может, и более ответственный, полный опасностей и невзгод. По своей удивительной способности облекать мысли в формы мо-

нологов, юмористических, сатирических, философских эссе, он не имел равных. Его воздействие на слушателя было беспримерным. Он заставлял зрителей плакать и смеяться, думать и переживать. И божий дар Жванецкого, думаю, в том, что он нес людям слово Правды.

...Помню в деталях последнее выступление Михаила Жванецкого для работников управленческого аппарата ЧМП на пассажирском лайнере «Шота Руставели». Он знал, что заплотить мы ему не сможем: это бы расценивалось как незаконный заработок с наложением штрафа, но без раздумий согласился. В музыкальный салон и вестибюль набились человек 400. Жванецкий выглядел серьезным, настороженным. Во время выступления не заговаривал со зрителями, как делал обычно на своих концертах. Это было особое выступление. Он вышел не развлекать, а говорить то, за что его боялась и ненавидела власть, — всю неприглядную правду о нашей жизни. После выступления в зале наступила мертвая тишина, которая бы секунд через 10-15 обязательно взорвалась бы оглушительными аплодисментами восторга. Но, ни с кем не попрощавшись, Жванецкий быстро вышел из салона, спустился по трапу на причал Морвокзала и ушел. Стало ясно, что в Одессе ему оставаться больше нельзя. Некоторые шепотом говорили, что Миша решил уехать «за бугор». Мы поняли, что Жванецкий прощался с нами, и от этого осознания в горле стоял ком...

Но Миша не собирался покидать родину. Он решил принять неравный бой — и будь что будет! Но задули ветры перемен. Перед Жванецким открылись запертые прежде на засов двери. Он начал выступать на больших сценах, издавать свои произведения. Известный литератор стал кумиром страны, а затем любимцем всей русскоязычной читающей публики во всех странах мира.

К тому времени я, снятый с должности капитана теплохода «Шота Руставели» и уже перенесший первый инфаркт, был капитаном-наставником в управлении морских путей ЧМП (двуглубительный технический флот). Все старания КГБ водного отдела и прокуратуры «пришить» мне дело и накинуть срок, несмотря на упорное, издевательское девятимесячное следствие, успехом не увенчались — за отсутствием хоть сколь-нибудь достоверного «материала». Я окончательно понял, что в покое меня не оставят, что на подходе — второй инфаркт, и моя участь незавидна. Я обратился к Министру Морского Флота СССР, с которым был знаком лично, и попросил перевести меня в другое пароходство. Он и рассказал, что мне закрыли доступ к заграничаванию по справке КГБ на заседании ЦК. Вскоре я был переведен в Камчатское морское пароходство и ушел в рейс в должности старпома. Через полгода был назначен капитаном танкера, снабжающего нефтепродуктами все побережье Камчатки. Казалось, что все успокоилось, но тут вокруг меня опять возникло какое-то «броуновское движение». Оказалось, ветер дул из Одессы, в которую, уже триумфатором, вернулся Михаил Жванецкий. Для встречи с Одессой-мамой Мише был предложен самый большой стадион города на 20 тысяч мест. Каждое выступление Жванецкий начинал с монолога «После разлуки», где упоминал меня и мою прежнюю должность. Пять концертов Жванецкого на стадионе при полном аншлаге имели невиданный эффект. Он выдал власти «по полной». А власть, еще плохо представлявшая последствия гласности и перестройки и отвергавшая перемены, не желала понять, что времена причинины подошли к концу.

Этот вой разъяренной одесской власти докатился до Камчатки. Отношение начальства ко мне стало меняться, и не понимая причин, я терялся в догадках. А старая власть, начинающая агонизировать, пыталась загнать народ в старое стойло, вернуть прежний режим и усмирить всех бунтующих.

В то время мы нередко созванивались с Мишей, и нам не приходилось спорить — наши мнения полностью совпадали. СССР распался. На смену дряхлым генсекам пришел энергичный Горбачев, на первый взгляд, толковый и энергичный. Он и изрек забытое слово «гласность», не объяснив, что подразумевает под этим понятием. Из-за его неспособностью решать государственные проблемы стала вылезать наружу зараза межнациональной розни, произошел распад советского союза. И я, имея на

М. Жванецкий. 1971 г.

руках шестилетнюю дочь и двух сыновей, пришел к выводу, что нужно эмигрировать.

А Михаил Жванецкий, принятый литературным миром как маститый писатель, продолжил критиковать порядки, устои и понятия. Вся свою сознательную жизнь он прошел с отповским портфелем. Этот портфель проделал вместе с Мишиным папой долгий путь врача по пыльным улицам Молдавии, где дома из камня-ракушечника, где коридорами служили открытые всем ветрам веранды, где на кухнях вечно жужжали примусы, где окна и двери квартир были настезы открытые, где соседи знали друг о друге все. Каждое утро хозяйки собирались у водонапорной колонки в центре двора, обсуждая свежие новости и сплетни. Разговоры велись на гремящей одесском диалекте, состоявшем из русского, украинского, идиша, молдавского, польского, немецкого, греческого и других языков. В то время одеситы не испытывали трудностей в подборе слов. Одесса, плавильный котел, в котором перемешаны языки и национальности... Уверен, что Мишин папа, посетив за день с десятком больных и, вернувшись домой, с иронией и юмором рассказывал домашним всякие смешные истории из жизни одесских дворов. А смысленный Миша впитывал их, как губка, и пересказывал друзьям.

Меня волнует судьба этого старого портфеля, столько повидавшего на своем долгом веку... Великой реликвии, почетное место которой — в Одесском литературном музее.

В последних телефонных беседах Жванецкий выражал беспокойство по поводу опасности реставрации диктатуры власти, и какую цену придется заплатить, чтобы не допустить этого. Теперь сожалее, что не записывал содержание наших бесед.

После холодной, снежной московской зимы Миша всегда устремлялся в родную Одессу, туда, где ласковый морской бриз, настезь открытые окна, магический восход солнца, медленно выплывающего из-за горизонта, красота темнеющего в сумерках южного неба. Одесса... Вот мы вынужденно покинули любимый солнечный город и развлеклись по континенту. И хотя мы неплохо устроились и неплохо живем, все равно продолжаем жить Одессой Жванецкого, Бабеля, Паустовского, Катаева, Багрицкого... Я бережно храню все присланные мне Михаилом Жванецким книги с его теплыми пожеланиями в мой адрес, подаренные или приобретенные произведения других авторов об Одессе и одеситах. Придет время, и эта маленькая библиотека перейдет к моему сыну Владимиру.

Жванецкий, беспорно, обогатил русскую словесность. Весь русскоязычный мир признал его как истинно Народного артиста и писателя. Недаром он был утвержден «Дежурным по стране». Но назначение этого одесского мальчика с улицы Старопортофранковской было в другом: лечить человеческие души от подлости, ненависти, предательства, лицемерия и алчности. Я уверен, что архив Михаила Жванецкого хранит еще много неопубликованных произведений, которые обязательно должны быть изданы, дойти до читателя. А сами рукописи — найти почетное место в Литературном музее Одессы, города, который подарил миру Жванецкого. И который, в свою очередь, подарил миру Одессу.

Фото из личного архива А. Назаренко

БЫЛОЕ

Помню с детства пляж санатория им. Чкалова. В 60-е годы в санатории любил поправлять свое здоровье мой папа. Я часто приходил к нему, и мы шли на рыбалку. Санаторий считался украинско-правительственным. Говорят, в нем однажды даже отдыхал Хрущев. А уж разные министры и генералы – как здрасте. Санаторный пляж был огорожен высоким забором. Собственно, у санатория было 2 пляжа. Над главным – правый, с просеянными песочком – возвышался бордюр высотой 1 метр, на котором отдыхавшие оставляли туфли. Это меня в первый раз сильно поразило.

Неотдыхающих на пляж не пускали. За этим строго следили две бабульки, которые требовали у всех входящих санаторные книжки. У папы не требовали, его знали, и меня вместе с ним. От калитки несколько каменных пролетов спускались на пологое плато, которое вело к главному пляжу. Но туда мы не ходили, а сворачивали налево и по узкой, выложенной туфовыми плитками, лестнице спускались на второй пляж, «генеральский». Генералов охраняло КПП с бдительным часовым явно из отставников. Его громкий рык: «Ваше санаторное...» напоминал ветхозаветное «ваше благородие».

Честно говоря, никаких генералов я на этом пляже не видел, видимо хорошо камуфлировались. А видел деревянную халабуду слева под обрывом, в которой, наверное, они и ютились в свободное от генеральных сражений время, стену из ракушняковых блоков и несколько шлюпок, стоящих на диком берегу. Шлюпки, по предположению санаторной книжки, выдавались бесплатно, но моего папу там опять же знали: «Здравствуйте, Александр Дмитриевич! Опять на рыбалку? Сачок нужен, или у вас рачки с собой?»

Берег был настолько дикий, что метрах в пяти от него на камнях росли водоросли, в которых резвились рачки. Одолжив сачок из мелкой сетки и побродив с ним по мелководью минут 10, мы собирали банку отборной и, главное, живой наживки.

Каменных грядок в те времена было напротив Чкаловского пляжа предостаточно, поэтому за бычками далеко грести не приходилось. По возвращении, папа отдавал улов в столовую, и нам к обеду жарили бычки и варили вкусноту уху. Ее запаха выводили из равновесия других отдыхающих, но папа свято хранил наши рыбные места, объясняя особо настырным, как доехать до Привоза.

Потом детство прошло, пришла юность, студенчество, другие пляжи и увлечения. Женился... Папа ушел на пенсию и путевки в Чкаловский санаторий оказались уже не для него. Восстановил я свое общение с Чкаловским пляжем уже в 83-м. В первый день последнего месяца лета я сказал жене:

– Хочешь, покажу тебе пляж, при входе на который нужно снимать обувь?

– Как это? – удивилась жена.

– А вот увидишь. Мы поехали в Чкаловский. В те годы ворота санатория были наглухо закрыты, войти внутрь можно было через своеобразные КПП слева или справа от них. На КПП дежурил охранник, который строго осведомлялся, кто идет, куда и зачем.

– Добрый день, меня не спрашивали? – сказал я стражу ворот, и на его растерянное блеяние «не-а» добавил: – Ну, если будут спрашивать, я у себя.

С бдительной бабушкой у калитки на пляж я применил способ, неоднократно испытанный в московских студенческих общагах. Тогда, входя в общагу, я говорил вахтерше: «Здрассте» и, не дожидаясь вопроса: «Ваш студенческий», шел к ячейкам проверять почту на букву «ю». Письма на фамилию Осташко там почему-то не оказывались, и я расстроено жаловался вахтерше: «Опять не пишут!» Она начала меня утешать, а после спрашивать студенческий билет ей было неудобно.

С бабушкой при входе на пляж я проделал нечто аналогичное. Поздоровался и осведомился, как поживают ее внуки. Она подробно рассказала, а когда все-таки надумала спросить у меня санаторную

книжку, я удивился: «А чего это вдруг сегодня такие сложности, вы же меня знаете», и тут же сам себе ответил: «А, это потому что сегодня суббота». И гордо вместе с женой проследовал на пляж.

Жена удивилась пляжу, охраняемому вереницей тапочек. Мы расположились на полупустой послеобеденной правительственной территории. Выкупавшись и растянувшись на горячем песке, я заметил поодаль с левой стороны высокий, выдающийся далеко в море пирс, с перилами и нижним этажом для причаливания мелких плавсредств.

«Что-то я такого в папины времена не припомню», – подумал я. Одна лодка с гордой надписью: «Спасательная» мочка в полосе вялого прибойя, а над ней, на пирсе в шезлонгах, загорали двое с красными повязками. У меня в мозгу зашевелилась интересная мысль: «С отпуском, запланированным на август, нужно что-то делать?»

Я поднялся, подошел к спасателям и спросил:

– Ребята, а как бы тут с вами позагорать?

– Ты чего? – удивились ребята. – Прошел, так лежи загорай, кто тебе мешает?

– Не, вы меня не поняли, я хочу за это еще и денежку получить.

– Это как?

– А так как вы, хочу сюда на

очереди цепляли несколько лодок, выставляли их в полосе прибойя и садились писать пулю. Впрочем, неправильно утверждать, что мы только тем и занимались, что играли в преферанс.

От середины пляжа в море на половину расстояния до волнореза уходили сваренные из труб мостки с дощатым покрытием, площадкой на торце и лестницей, ведущей в воду. Я любил там отработывать прыжки в воду. Один очень красивый прыжок у меня никак не получался. Нужно было выпрыгнуть вперед, согнуться, хлопнуть себя по коленям, чтобы ноги ушли вверх и вертикально войти в воду. Ноги упорно не хотели этого делать, и я больно плюхался животом в воду. Но я тоже был упорный и все-таки их переупрямил. Ноги вытянулись в одну линию с телом, я на радости расслабил вытянутые вперед руки, пронзил полуторметровую толщу воды и вонзился незащищенной головой в песок. Хрустнули шейные позвонки, слава Богу, не сильно, и я решил, что на этом прыжки в воду закончились.

Впрочем, еще один прыжок я совершил – в начале 90-х на 8 станции Б. Фонтана, где как раз строили новый яхт-клуб. В воде уже громоздились одна на другой бетонные плиты. Одна конструкция высотой метров 5 показалась мне привлекательной. С такой вы-

сопрыгиваю. Берег, увидев мою добычу полметра в диаметре, пришел в восторг. Должен сказать, что в тот день к нам на пляж пришли гости. Моя жена и мой юный друг Саша Сокольский. Когда-то в шестом классе я его учил физике, а сейчас он приехал на каникулы. Решив, что ученик должен превзойти учителя, в том числе, и в подводной охоте, он взял снаряжение, пику и ушел под воду. Минут через 20 он, замерзший, вылез из воды и сообщил, что ни камбал, ни глосей там нет. «Ты просто искать не умеешь», – сказал я, ушел под воду и через 5 минут вынырнул с еще одной камбалой. Этого Сашка стерпеть не мог. Не согревшись, он снова погрузился и плавал уже минут 40, а когда вылез, то что-то вяно сообщить уже не мог от холода. Пока он плавал, я отправил жену с двумя рыбинами домой – жарить.

«Ну что, макнуться напоследок», – сказал я, укутав Сашку какой-то ветошкой, и вошел в воду. К вечеру даже верхний слой был +12, а внизу, пожалуй, все 6. Но долго плавать не пришлось. Замерзшая рыба бросилась к берегу, и буквально в метре от него я подбил третью камбалу. Любимый ученик окончательно признал приоритет любимого учителя.

В то далекое время знаменитый лифт санатория Чкалова и исправно передвигался вверх-вниз. На нем мы ездили на обед в служебную столовую санатория, где кормили вкусно и дешево. Более того, в лифте был установлен телефон внутреннего коммутатора, с которого через девятку можно было выйти в город. Это мы и сделали, сообщив, что к тем двум рыбам возьмем еще одну. В результате получили чудесный рыбный ужин. Был четверг, день рыбный. Короче, в тот год я не ограничился в своей спасательной работе одним месяцем отпуска. Выйдя на работу, я заявил, что ближайšie два месяца буду появляться там два дня через два дня, на что непосредственное начальство махнуло рукой, а посредственное, то бишь большое начальство само ушло в отпуск на два месяца. Так что я спасал людей до 23 октября.

Сергей Осташко ЧКАЛОВСКИЙ ПЛЯЖ

ПЛЯЖИ МОЕГО ДЕТСТВА (часть 2-я)

работу спасателем устроиться.

– Это можно. Вон там в домике комендант пляжа Сергей Норбертович. Поговори. Он как раз вчера одного алкаша уволил. Разговор с Норбертовичем был коротким. «Плавать умеешь? А с веслами работат?» Почти как в фильме «Богдан Хмельницкий»: «Отче Наш знаешь? Горилку пьешь? Истинно спасательская душа!»

А еще через две недели, когда Норбертович выгнал следующего алкаша, я привел в Чкаловский пляж своего друга Юру Сгычева. Работать нужно было двое суток через двое, с 8 утра до 8 вечера. Зарплата не ахти – 88 рублей. Но это уже в другом анекдоте: «Как, за это еще и деньги платят?» Обязанности простые: следить, чтобы за буюк не заплывали. Поскольку санаторий правительственный, то до буйка могли доплыть человека два. Мы их быстро выгнали, познакомились и сели вместе писать пулю.

Числились мы матросами-спасателями, а над нами начальником был старший матрос или, как он величал себя, – боцман. Чудный мужик, ветеран войны, горевший в танке, что навсегда оставило след на его лице. Он знал множество фронтных баек, любил их рассказывать и умел это делать. О грустном не вспоминал никогда. Единственно, что нам удалось у него узнать, и то с трудом, что его танк горел на Курской дуге. Если бы тогда я был таким умным, как сейчас, я бы позанимал все эти истории, и из них бы получилась прекрасная книга о Великой Отечественной, но неизвестной войне. А так байки выветрились из памяти, осталось только имя – дядя Саша, общение с которым нам подарила судьба летом 1983 года.

Наверное, нужно описать наше рабочее место. Там, где в папины времена громоздились скалы, отделяющие главный пляж от генеральского, теперь тянулись две широченные бетонные ступени. От ближней к морю в воду косо уходили треугольные плиты. На берегу был выстроен ангар, где хранились штук 20 лодок, над которыми во всю длину ангара тянулась малая механизация – швеллер заворачивающего на пирс эллинг. По швеллеру на колесиках передвигалась тележка с мотором и толстым проводом, оканчивающимся пультом с четырьмя кнопками: вира, майна, вперед и назад. Утром мы приходили на работу, открывали ангар, захватами по

соты я еще никогда не прыгал. Я залез, стал на край плиты, развел руки и прыгнул. Но, вместо того, чтобы бабочкой красиво описать дугу и войти в воду без брызг, ноги стали приходиться в вертикальное положение еще в верхней точке траектории. Я попытался остановить их самодеятельность, но добили только того, что раздался хруст в позвоночнике. Как я вошел в воду – не помню, но помню боль в спине несколько дней после этого.

А тогда на Чкаловском было раздолье для рыбалки. Дальний конец пирса уходил за линию волнореза, недалеко за ним начинались бычковые грядки. Слева, на песочном дне напротив бетонных плит, любила греться аппетитная камбала, или, говоря по-научному, – камбала глосса, в отличие от настоящей большой камбалы, которая по-научному называется камбала калкан. Как-то на одном из московских рынков я видел груды такой глоссы с ценником «Черноморская камбала». «Как дешево здесь дураят народ», – подумал я. Хотя, судя по ценнику, не так уж и дешево. Но вернемся на пляж санатория им. Чкалова образца 1983 года.

Камней с травой у берега на генеральском пляже, где резвились рачки, давно не было. Зато возле самого пирса крутились стайки феринки – маленькой полупрозрачной рыбки. В жареном виде она очень вкусная, но есть одно «но». Эта рыба принадлежит к семейству кефалевых и покрыта мелкой жесткой чешуей, которую перед жаркой желательно почистить, а то будет скрипеть на зубах. Представляете, какой это адский труд?

Если с пирса в стайку феринки выкинуть самодур – леску с крючками, оснащенными цветными перьями, – и подергать, то есть вероятность, что дурная рыба клюнет на эти перья... или напорется спиной на острые крючки. Так за минут 10 можно наловить вполне приличную жменю наживки. А потом – как захочешь. Можно кусочки феринки нанизать на 2-3 крючка самоллова, закинуть с конца пирса на ближайшую грядку и ждать, пока клонет голодный бычок, либо нанизать такие же кусочки на 6-8 крючков закидушки с тяжелым грузилом и закинуть с бетонных плит напротив ангара на песочное дно. В этом случае, можно не ждать. Камбала глосса – рыба обстоятельная. Прежде чем съест наживку, она сначала ее тщательно обнюхает, потом

заглотит. А как заглотит – уже с крючка не сорвется. Осенью, закидывая самодур, нужно быть внимательным. Вместо феринки на крючок с цветными перьями может клонуть ставрида. Тогда следует отложить охоту за наживкой, а начать с конца пирса спинингом разбрасывать самодуры в разные стороны. Ставрида же подошла! А не жажущая на мелководье глосску можно потом награть пикуй, как это делалось в детстве на 8 станции Б. Фонтана.

Кстати, один раз подобная охота принесла неожиданный результат. Дело было уже осенью, помню – в четверг, по советским понятиям – в рыбный день. К берегу подошел сероводород, и вода резко поохладнела. К полудню ее температура снизилась до 12 и продолжала падать. И вот в середине дня, наловив на самодур штук 50 ставриды, я решил поохотиться на глосей, надел комплект ласты-маску-трубку, взял пику и пошел в воду. Верхний слой воды был еще теплый, а ниже – колотун. Плыву я, значит, в этом теплом слое, и вдруг вижу посреди ровного песка довольно большая припухлость. Нырять, тыкаю пикуй, припухлость начинает трепыхаться и размахивать плавниками. Оказалось, камбала-калкан, довольно крупная. Переворачиваю пику острием вверх, – чтобы не сорвалась, и вы-

загорай так. Кого там не любили, это фотографов-тихарей, которые прятались на обрыве и сверху снимали «лубничку». Их, если заметят, могли и побить. А вот моего друга – фотожурналиста одной из одесских газет, который пришел на пляж со своей аппаратурой и открыто и громогласно спросил: «Ребята, а можно я вас снимаю?», зауважали: «Ради Бога, снимай!» и пригласили приходиться еще.

Однажды с моим донецким другом Мишей произошла курьезная ситуация. Он приехал в Одессу в командировку (естественно, летом, что делать шахтеру в Одессе зимой?), вытаскил меня с работы, и мы пошли Аркадию, где у него, якобы, была назначена встреча. Агент на встречу не явился (вот почему я написал «якобы»), и мы прекрасно попляжились. И тут из воды вылезла симпатичная девушка топлес и, ничуть не смущаясь, устроилась на подстилке рядышком.

«Невозможно, жить в городе, где модели просто так ходят по улицам и загорают на пляже без верха», – грустно вздохнул Миша, и наша беседа перетекла на тему нудистских пляжей. Я живописал, что видел на пляже на острове Лесбос, куда заходил на яхте, а потом предложил: «А хочешь, у нас здесь рядом есть голый пляж, можем туда сходить». «Хочу», – неожиданно согласился Мишка, и мы пошли. Подходим. К пляжу спускается узкая тропинка, которая в середине делает крутой поворот, сверху ничего не видно, а после поворота – что называется обнаженная натура маслом. И вот, спускаемся мы, разговариваем, Мишка идет впереди, доходит до поворота и внезапно тормозит, причем так резко, что я на него натякаюсь. «Ты чего?» – спрашиваю. И тут мой друг, обалдевший от открывшихся ему красот, говорит гениальную фразу: «Нет, провинция к этому не готова!» Так и не спустился. А его фраза стала среди наших общих знакомых крылатой.

Читатель мог сообразить, что я бывал на голом пляже, не раз, водил туда менее щепетильных гостей, даже девушек. Но больше я любил бывать слева от Чкаловского. Там, отгороженная от генеральского пляжа высоким ракушняковым забором, уютилась небольшая бухточка. Чем-то она напоминала мне старые одесские берега и ту нашу детскую бухточку на 11-й станции: небольшой пляж, скалы в воде, камни и мелкий фарватер, по которому нужно войти и проплыть, чтобы не порезать ноги, за фарватером – разгул поросших водорослями и мидиями красот, среди которых светятся мелкие бычки, крабики и иглобочки. Я любил приводить туда гостей Одессы, и пока они балдели на берегу, ловил морскую иглобочку побольше и приносил им в подарок. Еще я отдирав от скал мидии, и тут же, как в детстве, жарил их на стальном листе, лежащем на двух камнях над костром, разведенным из выброшенных морем деревьев.

Однажды, плавая с маской, я подбил здесь огромное, почти метрового в диаметре ската с большой иглой на конце длинного хвоста. Вытащив ската на берег, я первым делом отрубил хвост и вырезал на память иглу. А что делать с остальным даже не имел представления – скат в Одессе считается несъедобным. И тут ко мне подошла московская дама лет 40 и спросила: «Ма-альчики, а что это у ва-ас т-акое?» «Это черноморская камбала», – ответил мой друг, который помогал мне вырезать иглу. «Ой, пра-а-вда-а? – удивилась дама. – А вы мне ее не продадите?» «Самим кушать нечего», – давась от смеха, ответил друг. Через какое-то время, поторгавшись, согласился уступить добычу за бешеные по тем временам деньги – 25 рублей.

Потом в Одессе появились рапаны, которые питаются мидиями, и однажды, нырнув в Чкаловской бухточке, я увидел страшное зрелище – голые скалы и дно, покрытое мертвыми мидиевыми створками. Несколько лет после этого я не приходил сюда, но когда очередные друзья из провинции упросили показать им старые одесские берега, я привел их, нырнул и увидел, что экология начала восстанавливаться.

Тинатин Мжаванадзе (Грузия)

Аджарские тетушки

(ЦИКЛ РАССКАЗОВ)

Нарды

Новобрачная я была необычайная пусичка.

Все время сидела дома, как порядочная невестка, называла родителей мужа «мама» и «папа», вешала белье по ранжиру и вынашивала первенца.

Кормилец, то есть молодой муж, носился по разным заработкам, а я тем временем проводила темные вечера с его мамой и папой, создавая уютный антураж животом стандарта «дирижабль», и время от времени наливала им горячий чай.

А они играли в нарды.

Чем еще было заняться в сырую батушную зиму? Света нет, воды нет, комнату отапливает единственный на всю квартиру благоухающий соляной девайс «Турбо», освещает же ее антикварная керосинка.

Играли они темпераментно.

Спросите любого азартного игрока в нарды – насколько он сильный игрок?

На ваших глазах мирный человек превратится в Тамерлана – ты не знаешь, как я играю?! А сядем-ка проверим, и если с первой партии не продашь «марс», считай – тебе повезло!

Свекровь моя, отличного красота из Гонио, в последнее время – примерная жена и мать, во время игры в нарды обращалась в амазонку и феминистку.

Свекор же, аджарский патриарх, каждый вечер ставил своей задачей усмирить эту непокорную женщину и играл свирепо, как Атилл, – пленных не брал.

Играли до трех очков – дольше было невозможно, потому что каждую игру разгоралась одна и та война.

Главная стратегия боя – заполучить одинокую фишку, а может и не одну, и убить ее, потом занять все ворота в своей половине и муржить соперника вплоть до «марса».

Первая партия проходила более или менее спортивно.

Допустим, выиграла свекровь.

– Гелин, – говорила она мне язвительно, – принеси отцу газетку, пусть почитает, пока я все его фишки поштучно поубиваю!

– Нет, лучше принеси матери вязание, – горячился свекор, щелкая пальцами, – один раз повезло и уже нос задрала!

Я улыбалась обоим, потому что в случае выбора не сносить головы.

– Нет, ты видела, как ей везет! Сразу видно – неуч! – выходил из себя свекор, пока его супруга напевала турецкие песни и щелкала фишки, как семечки.

– Ты в своей Ангисе такого в глаза не видел, пока мы в Гонио на перламутровых нардах практику проходили!

– Поделом мне, что я! (удар фишки) Князь!! (удар фишки) Женится на простолюдинке (убитую фишку увели). Потому и терплю!

– Бесштанная князь, ха-ха. А у моего деда был целый корабль!

– Кора-а-а-бль, скажешь тоже. Небось лодка дырявая, на ней тухлую хамсу и лобио возили! А мой отец ехал домой на двух фазтонах: на одном сам, а сзади – его шляпа!

– Не смешите меня! Один раз в жизни мелочи всей семьей насобирали на фазтон, семьдесят лет забыть не можете!

– Ты бы лучше помолчала, тоже мне. С такими распушенными родственницами голову бы не высывывала!

– Кто это у меня распушенные?! – бросив кости, сдвигала брови свекровь.

– Как кто? Двоюродные сестры! Одна в Турции металлолом продает, другая третий раз замуж выходит!

– Здравствуйте вам пожалуйста!! У нас и талант к бизнесу в крови, и женщины всем на зависть! А что ты скажешь о своих кухнях, которые никак замуж выйти не могут?

– Ах, так?! А что ты скажешь о своих невестках?! – свекор уже давно отодвинул нарды и сидел, как Чингиз-хан, насупившись. – Одна сбежала, вторая – на усатого дальноточника похожа!

– Так, может, мне вспомнить моих драгоценных золовок младших?! И замуж без воли старших убежали, и с мужьями живут, как кошки с собаками! Не женщины у вас в роду, а кровопийцы!

В это время накал страстей доходил до той степени, когда улыбаться уже было невозможно, и я начинала хохотать.

Оба резко замолчали, и свекровь укоряла мужа:

– Что про нас гелин подумает – дикие люди! Как будто мы все время ругаемся! Пойдет и своим родителям скажет, стыда не оберешься!

– Не скажу, – торопливо говорила я. – Все понимаю: психическая атака!

– Ну и как, кто в ней выиграл? – интересовался свекор. – Ладно, хватит, ты постоянно жульничаешь! С тобой играть невозможно!

– И правильно, куда мне, королеве нардов, с фраером играть, – фыркала свекровь. – Налей-ка нам чаю, гелин! На самом деле я своих золовок обожаю, особенно Циалу и Нунуку, с ними так весело!

Вечер продолжался пением в два голоса.

И темный вечер, освещенный слабым пламенем керосинки, был одним из многих, многих, похожих один на другой, как нескончаемые бои на нардах: фишки одни и те же, а игра всегда разная.

Постепенно я поближе познакомилась со всем семейством свекра, а это дело нелегкое, ибо их общим числом уродилось восемь детей (четыре брата, четыре сестры), все они тоже расплодились и расселились по разным концам города, и запомнить сразу всех даже в лицо я не могла при всем желании.

– И зачем только наши отец с матерью насыпали эту мелочь, – на этих словах свекор выгнул брови «домиком». – Когда у тебя, добрый ты человек, есть четверо отборных детей: два мальчика, две девочки, полный комплект, остановись уже, но нет, обрадовались, что хорошо получается, и как нарожали еще полный таз барахла. С верхом!

Как раз в эту категорию попадали упомянутые Циала и Нунука, две младшие тетушки.

Ходили они всегда парой, как Дон Кихот и Санчо Панса, щеголиха и пусик.

– Ты моя любимая невестка, – обняла меня при знакомстве Нунука, – кровь с молоком! Белая, розовая! Терпеть не могу этих тощих скелетин, одни кости. Ухватиться не за что! А тут – постель заполнена и согрета!

И так захохотала, что стая воробьев в панике вспорхнула с места.

Польщенная, я вообразила, будто в самом деле любимица Нунуки, но жена деверя остудила амбиции:

– Послушай, мне она говорила:

«Ты моя любимая невестка – нежная, стройная, миниатюрная, прямо статуэточка! Не то, что эти лошади! И все на тебе хорошо сидит, глаз не оторвать! Молодец мой племянник, хоть один ровню выбрал!»

Стоит ли говорить, что жена младшего деверя подкатила свою версию:

– Ты моя любимая невестка, – ворковала ей Нунука, – высокая, ноги длинные, настоящая модель! А остальные что за каракатицы, все время вниз смотреть – шею сворачиваю!

Поймав Нунуку на месте преступления, мы приперли ее втроем к стенке:

– Ты аферистка! – уличили мы тетку.

– А как иначе?! – вылушила свои прекрасные очи Нунука. – Дипломатия прежде всего! Вам же было приятно, когда я вас хвалила?

Мы кивнули.

– Тогда успокойтесь и думайте про себя самое лучшее! Вот как Циала, моя сестра: сама как шарик, а думает, что королева мира!

И немедленно захохотала, забрызгав лицо слезами.

Нунука – кинозвезда

О, я даже не знаю, с чего начать! Она с детства была красавица.

Лицо как будто все время готово смеяться, глаза сверкают, волосы кудрявые – в общем, упасть и не встать.

Наверное, из-за красоты она отличалась еще и непокорным нравом, против воли братьев убежала замуж за наикрутейшего парня в городе, который был настоящим чемпионом по боксу, да еще и ходил с пистолетом, в белом шарфе и шляпе «борсалино».

Как она могла устоять?!

Братья погнались за ослушницей, но встретили их весьма горячо – выставленными в окна ружьями. После профиллактической пальбы в небеса и взаимных обещаний вырвать друг другу все видимые части тела, было достигнуто соглашение: обидишь сестру – повесим за яйца.

Но к чему бесполезная красота в тяжелые времена? Нунука в мрачные 90-ые ездила работать в соседнюю Турцию, кем бы вы думали – репетитором математики.

Что это за доход?! Копейки.

Поэтому она ввозила туда в сумках кружева и часы на продажу, а уже на месте гадала на кофе юным девушкам на выданье.

Гадала за деньги, вы поняли?

Слава о ней прокатилась по окрестностям, и Нунука круглые сутки вдохновенно вралла доверчивым турецким мамашам, помогая им найти для дочерей достойные партии.

Когда же ей самой понравилась девица для старшего сына, она попробовала применить старинные турецкие методы привороты в конфете, но сама не выдержала и раскололась: прости, не ешь эту конфету, но как же ты мне нравишься!

Сердиться на нее невозможно – как на явление природы вроде тайфуна, к примеру.

И еще один талантом наделена Нунука, довольно редким: она умеет плакать.

Ее обожают на всех родственниках похоронах – потому что она так ярко оплакивает усопшего, что ангелы бы-

стрее поднимают его душу в рай.

Но ведь только плакальщица – это мелко, не находите? Актерский дар кипел и булькал в венах, и судьба подогнала Нунуку шанс выпустить его на волю: племянники снимали кино, а в сюжете очень удачно оказалась сцена похорон.

Актриса, игравшая главную роль, все сделала, как положено, но режиссер был недоволен.

Не хватало соли, нерва, глубины.

И тут он вспомнил про Нуну-миду.

– Может, ты просто покажешь, как надо? – заикнулся он по телефону.

Господи!

Нунука загорелась, как головешка в буре.

Не успели дозвучать последние слова, как она, одетая в выходной плакательный наряд, уже ловила такси.

– Не одевайся слишком нарядно! – прокричал племянник в телефон, отчаянно пытаясь урегулировать цунами. – Сцена происходит в деревне, поэтому просто платок на голову!

– Кого ты учишь, мальчик, – просипела Нунука в трубку и вытащила из ридикюля кусок черного шифона.

Когда она появилась на съемочной площадке, «бобики» стухли.

О, как мне жаль, что вы не видели ее прохода! Ава Гарднер убралась бы с красной дорожки от греха подальше, потому что отныне Нунука ступала не по земле, а по облакам, вся осиянная заслуженной славой.

Съемочная группа до сих пор в шоке: они видели великую игру.

Нунука сняла пиджак, осталась в лаконичном черном платье: эта женщина знает за моду.

Повязала шифоном голову.

Смяла в ладони носовой платок, села, сложив руки, взяла полную грудь воздуха и... дала виртуозное соло.

Группа рыдала друг другу в плечи.

– Я так не смогу, – махнула рукой профессиональная актриса. – Перепишите сценарий – пусть будет новый персонаж!

Так в резюме Нунуки появилась строчка – киноактриса.

Каждое ее вступление в беседу теперь начинается так: а вот когда мы снимали кино...

– Сегодня голосование в шоу «Танцы»! – кричит она сорванным голосом с балкона соседкам. – Не забудьте отправить ваши эсмэски – там мой КОЛЛЕГА танцует!

Соседки, прикрыв глаза от солнца ладонями, покорно кивают, не смея перечить: коллега так коллега.

Ох, какие язвительные слова вертятся у них на языке, но никто не рискнет сказать их вслух: эта ушлая Нунука все равно откуда-то узнает, а у кого есть лишняя голова, чтобы с ней ссориться?!

Однако кино снимают не каждый день, поэтому ей приходится щедро раздавать свой дар просто из любви к искусству.

Основатель газеты Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Веб-дизайн
Олег ТКАЧЕНКО
Фото А. Синельникова, С. Алеяна,
Б. Бухмана, С. Павловой

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Регистрационное свидетельство № 508.
Тираж 500 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Марашливская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,
www.odessitclub.org